

12+

Алексей Елаев

Экономика и право

Курс лекций для
экономической безопасности

Алексей Елаев

**Экономика и право. Курс лекций
для экономической безопасности**

«Издательские решения»

Елаев А. А.

Экономика и право. Курс лекций для экономической безопасности
/ А. А. Елаев — «Издательские решения»,

Настоящее пособие представляет собой полный курс лекций по дисциплине «Экономика и право», разработанный на основе многолетнего опыта преподавания автора в Западном филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Курс предназначен для студентов 1 курса специальности «Экономическая безопасность» и нацелен на формирование у будущих специалистов междисциплинарного мышления.

© Елаев А. А.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Лекция 1. Экономическая теория права как научное направление	10
Лекция 2. Системное взаимодействие права и экономики	18
Лекция 3. Методология и базовые принципы экономического анализа права	31
Лекция 4. Философия свободы и равенства: взгляд экономистов и юристов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Экономика и право

Курс лекций для

экономической безопасности

Алексей Александрович Елаев

© Алексей Александрович Елаев, 2026

ISBN 978-5-0070-3113-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Уважаемые коллеги!

Курс лекций, который вы держите в руках (или видите на экране), возник не в тиши университетских кабинетов и не в результате абстрактных теоретических изысканий. Он родился в живой, напряжённой, порой противоречивой атмосфере семинаров и лекций, которые на протяжении нескольких лет читались автором для студентов специальности «Экономическая безопасность» в Западном филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Именно практика преподавания — живые вопросы, сомнения, споры, поиски ответов на непростые профессиональные вызовы — стала главным «источником» этого курса. За каждой темой, за каждым определением, за каждой цитатой из Гайдара, Май, Аганбегяна, Смита, Локка или Руссо стоит многолетний опыт диалога с будущими специалистами по экономической безопасности — теми, кому предстоит работать на стыке двух сложнейших систем: права и экономики.

Почему мы изучаем экономику и право вместе?

На первый взгляд, экономика и право — разные миры. Экономика говорит на языке спроса, предложения, прибыли, издержек, рисков. Право — на языке норм, прав, обязанностей, ответственности, процедур. Экономисты мыслят категориями эффективности и максимизации полезности. Юристы — категориями справедливости и формальной определённости. Экономисты предсказывают последствия изменения правил. Юристы толкуют сами правила.

Однако реальная жизнь, особенно в сфере экономической безопасности, не признаёт этого разрыва. Любая экономическая сделка облечена в правовую форму. Любое правовое решение имеет экономические последствия. Налог — это не только юридическая обязанность, но и экономический стимул (или антистимул). Право собственности — не только юридическая конструкция, но и основа для долгосрочных инвестиций. Контракт — не только документ, но и механизм снижения транзакционных издержек.

Более того, экономическая безопасность — это, по сути, состояние защищённости экономических интересов, которое достигается в первую очередь через **качественные правовые институты**: надёжную защиту прав собственности, предсказуемое и стабильное законодательство, независимый и эффективный суд, неотвратимость ответственности для нарушителей. Без правопорядка нет экономической безопасности. И наоборот: правопорядок, не учитывающий экономических реалий, неспособный адаптироваться к меняющимся условиям, порождает правовой нигилизм, уход в тень и в конечном счёте — системные угрозы.

Именно поэтому будущий специалист по экономической безопасности должен одинаково свободно ориентироваться и в экономических законах, и в правовых нормах. Он должен уметь смотреть на юридическую проблему глазами экономиста (оценивая издержки, выгоды, стимулы, риски) и на экономическую проблему — глазами юриста (анализируя правовые основания, процедуры, допустимые способы защиты).

Задачи курса

Данный курс призван сформировать у вас, уважаемые студенты, **системное, междисциплинарное мышление**, позволяющее:

— **Понимать экономическую природу права** — как и почему экономические отношения порождают правовые нормы, какую роль играют экономические интересы в формировании и эволюции права.

— **Анализировать правовые нормы и институты с экономической точки зрения** — выявлять стимулы, которые они создают, оценивать их эффективность, прогнозировать реакцию экономических агентов на изменение правил.

— **Оценивать экономические последствия правовых решений** — как изменение законодательства, судебная практика, правоприменительные акты влияют на поведение предпринимателей, инвесторов, потребителей, чиновников.

— **Выявлять угрозы экономической безопасности** — как со стороны государства (избыточное регулирование, коррупция, административное давление), так и со стороны частных лиц (налоговые преступления, рейдерство, теневая экономика).

— **Вырабатывать и реализовывать меры по защите экономических интересов** — используя весь арсенал правовых и экономических инструментов, от судебной защиты до комплаенса и риск-менеджмента.

Структура курса

Курс состоит из тринадцати основных лекций и одной дополнительной. Логика курса — от общего к частному, от теории к практике, от фундаментальных основ к прикладным инструментам.

Модуль 1. Введение в экономический анализ права (лекции 1—3)

Здесь мы закладываем теоретический фундамент: что такое право, как оно взаимодействует с экономикой, какова методология экономического анализа права, каковы его базовые предпосылки (рациональность, реакция на стимулы, методологический индивидуализм).

Модуль 2. Философские основания и исторический контекст (лекции 4—6)

Мы обращаемся к великим мыслителям — Адаму Смиту, Джону Локку, Жан-Жаку Руссо, Фридриху Хайеку, Джону Кейнсу — чьи идеи о свободе, равенстве, собственности, роли государства до сих пор определяют экономическую и правовую политику. Затем мы анализируем концепцию социального государства как попытку синтеза экономической эффективности и социальной справедливости и сравниваем романо-германскую и англосаксонскую правовые семьи с экономической точки зрения.

Модуль 3. Институциональная среда и субъекты экономических правоотношений (лекции 7—9)

Мы переходим к конкретным институтам: изучаем систему источников права (Конституция РФ, кодексы), структуру экономических правоотношений, систему государственных органов управления экономикой. Затем разбираем классификацию субъектов (физические лица, юридические лица, публично-правовые образования), понятие правосубъектности и специальных субъектов — саморегулируемых организаций (СРО). Далее анализируем функции государства в экономике и принципы законности.

Модуль 4. Законность, правопорядок и экономическая безопасность (лекция 10)

Мы исследуем, как правовой нигилизм и деформация правосознания влияют на экономику, какую роль правопорядок играет в снижении транзакционных издержек, и какие механизмы защиты прав хозяйствующих субъектов существуют в российской правовой системе.

Модуль 5. Частное и публичное право (лекции 11—12)

Мы подробно разбираем частное право — сделки, договоры, организационно-правовые формы, предпринимательскую деятельность — и публично-правовое регулирование — бюджет, налоги, финансовый контроль, юридическую ответственность.

Модуль 6. Синтез и экономическая безопасность (лекция 13)

Мы соединяем все элементы в единую систему, рассматривая баланс частных и публичных интересов как основу экономической безопасности, анализируя угрозы и инструменты защиты, и подводя итоги курса.

Дополнительная лекция (лекция 14)

Эта лекция посвящена ограниченной рациональности — важному дополнению к классической модели «экономического человека», которое позволяет более реалистично анализировать поведение людей в экономической и правовой сферах. Лекция не входит в экзаменацион-

ную программу, но мы настоятельно рекомендуем её изучить — она даёт ключ к пониманию многих «иррациональных» явлений в экономике и праве.

Как работать с этим курсом?

Курс построен таким образом, чтобы быть максимально полезным для вас как для будущих специалистов по экономической безопасности.

В каждой лекции вы найдёте:

— **Введение** — постановку проблемы, объяснение, почему эта тема важна для специалиста по экономической безопасности.

— **Основную часть** — систематическое изложение материала с опорой на нормативные акты (Конституция РФ, ГК РФ, НК РФ, БК РФ, КоАП РФ, УК РФ), научную литературу и труды классиков.

— **Цитаты для запоминания** — ключевые мысли, которые стоит выписать и запомнить.

— **Основные выводы** — краткое резюме лекции, фиксация того, что необходимо запомнить обязательно.

— **Вопросы для самоконтроля** — чтобы проверить, как усвоен материал.

— **Задание для самостоятельной работы** — практические задачи, которые помогут применить полученные знания.

Мы рекомендуем:

— **Изучать лекции последовательно.** Каждая последующая лекция опирается на предыдущие. Пропуск даже одной темы может затруднить понимание всего дальнейшего материала.

— **Активно работать с цитатами.** Заучивать их наизусть не требуется, но важно понимать, кто, когда и почему сказал ту или иную ключевую фразу, и как она вписывается в общую картину.

— **Выполнять задания для самостоятельной работы.** Именно в практическом применении формируются профессиональные компетенции.

— **Не ограничиваться материалом лекций.** Используйте указанные в лекциях источники (Конституцию, кодексы, научные статьи), чтобы углубить свои знания.

— **Обсуждать прочитанное с коллегами и преподавателями.** Диалог — лучший способ проверки и закрепления знаний.

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность своим студентам из Западного филиала РАН-ХиГС — именно их вопросы, сомнения, споры и искренний интерес к теме помогли этому курсу стать тем, чем он является: не застывшим сводом догм, а живым, дышащим инструментом профессионального развития. Отдельная благодарность коллегам-преподавателям, чьи советы и критические замечания позволили уточнить и улучшить многие разделы курса. И, конечно, глубокая признательность великим мыслителям прошлого и настоящего — экономистам, юристам, философам, чьи идеи составляют интеллектуальное ядро этого курса.

Уважаемые студенты! Вы выбрали одну из самых сложных, но и самых интересных специальностей — «Экономическая безопасность». Вы будете работать там, где пересекаются закон и бизнес, право и экономика, государственные интересы и частная инициатива. Вы будете ежедневно сталкиваться с вопросами, на которые нет простых ответов: как оценить риск? как защитить активы? как выстроить комплаенс? как взаимодействовать с контролирующими органами? как не переступить «красную линию», отделяющую законную оптимизацию от незаконного уклонения?

Курс «Экономика и право» даст вам фундамент, на котором вы сможете строить свою профессиональную карьеру. Он не даст готовых рецептов на все случаи жизни — таких рецептов не существует. Но он даст вам **метод, инструментарий, угол зрения**, позволяющий

самостоятельно анализировать любую ситуацию и находить эффективные, законные и безопасные пути её разрешения.

Мы желаем вам увлекательного и плодотворного путешествия в мир экономики и права. Пусть это путешествие будет для вас не обязанностью, а приключением. И пусть знания, полученные в этом курсе, сослужат вам добрую службу в вашей профессиональной жизни.

В добрый путь!

Лекция 1. Экономическая теория права как научное направление

ВВЕДЕНИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ РАЗРЫВ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Мы начинаем изучение курса «Экономика и право», который находится на переднем крае современного научного знания. В истории человеческой мысли экономика и право долгое время развивались как самостоятельные, мало связанные друг с другом дисциплины. Экономисты изучали производство, распределение и потребление материальных благ, оперируя категориями спроса, предложения, цены, прибыли. Юристы исследовали нормы, права и обязанности, судебные процедуры, не особо задумываясь о том, какие экономические последствия влекут те или иные правовые решения.

Однако во второй половине XX века произошёл интеллектуальный прорыв: сформировалось новое направление — **экономическая теория права** (Law and Economics). Как отмечают исследователи, «экономическая теория права (Law and Economics) является передовым направлением исследований на стыке экономики и юриспруденции, имеющим как теоретическое, так и практическое применение. Основной целью дисциплины является применение метода неoinституциональной экономической теории к анализу эффективности юридических норм». Это направление предложило принципиально новый взгляд на правовые явления: за каждой правовой нормой, за каждым судебным решением можно увидеть экономическую логику — стремление к эффективному распределению ограниченных ресурсов.

Задача нашей первой лекции — заложить фундамент, на котором будут строиться все последующие знания. Мы должны ответить на три ключевых вопроса:

— Что такое право как социальный институт? Каковы его сущностные признаки, отличающие его от иных регуляторов — морали, обычая, религии?

— Как право и экономика соотносятся друг с другом? Является ли экономика «базисом», а право — лишь «надстройкой» над ней, или же их взаимодействие более сложно?

— Каким образом экономические отношения породили право? Как происходил переход от обычая к закону и какие факторы ускорили этот процесс?

1.1. ПОНЯТИЕ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРАВА: НОРМАТИВНОСТЬ, ФОРМАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ, СИСТЕМНОСТЬ, ПРИНУДИТЕЛЬНОСТЬ

Проблема определения права: множественность подходов

Право принадлежит к числу тех фундаментальных категорий, которые на протяжении тысячелетий вызывают ожесточённые споры. В современной юридической науке сложилось несколько основных подходов к пониманию права.

Нормативистский подход (Ганс Кельзен) рассматривает право как стройную иерархическую систему норм, подобную ступеням лестницы, где каждая норма черпает силу от вышестоящей. С этой точки зрения, право — это прежде всего должностное, система правил, установленных государством.

Социологический подход (Евгений Эрлих, Роско Паунд) акцентирует внимание на «живом праве» — тех правилах, которые реально функционируют в обществе, независимо от того, записаны ли они в законах. Право, с этой точки зрения, — это прежде всего правопорядок, реально сложившиеся отношения.

Психологический подход (Лев Петражицкий) видит сущность права в правовых эмоциях и переживаниях индивидов. Право существует в психике человека как его субъективное восприятие должного.

Для целей экономического анализа права наиболее продуктивным представляется **инструментальный подход**, в рамках которого право рассматривается как система правил, снижающих неопределённость и позволяющих экономическим агентам строить долгосрочные планы. Однако независимо от концептуальных предпочтений, любая научная школа выделяет устойчивый набор **сущностных признаков права**, отличающих его от иных социальных регуляторов.

Сущностные признаки права

Первый и важнейший признак — нормативность. Право есть система норм, то есть общих правил поведения, распространяющихся на неопределённый круг лиц и рассчитанных на неоднократное применение. Нормативность права принципиально отличает его от индивидуальных правовых актов (приговоров суда, распоряжений руководителя), которые носят разовый, персонифицированный характер.

Нормативность права имеет глубокое экономическое значение. Именно благодаря этому свойству хозяйствующие субъекты могут прогнозировать последствия своих действий. Предприниматель, планируя инвестиции, должен быть уверен, что правила налогообложения или требования к регистрации бизнеса не изменятся произвольно и будут применяться единообразно ко всем участникам рынка. Без нормативности невозможны долгосрочные экономические стратегии.

Второй признак — формальная определённость. Правовые нормы всегда выражены в определённой форме — закона, судебного прецедента, нормативного договора, санкционированного обычая. Они фиксируются в текстах, обретают словесное воплощение, что позволяет участникам правоотношений точно знать свои права и обязанности.

В экономическом контексте формальная определённость выступает условием минимизации транзакционных издержек. Контрагентам не нужно каждый раз договариваться о содержании базовых понятий — что такое «право собственности», «обязательство», «неустойка». Закон уже дал им чёткие дефиниции. Неопределённость закона, напротив, ведёт к росту издержек, судебных споров и, в конечном счёте, к снижению экономической активности.

Третий признак — системность. Правовые нормы не существуют изолированно; они организованы в целостную, внутренне согласованную систему. Эта система имеет иерархическое строение (нормы разной юридической силы), отраслевую дифференциацию (гражданское, уголовное, административное право) и институциональную структуру.

Системность права обеспечивает его экономичность. Вместо того чтобы создавать отдельные правила для каждой жизненной ситуации, законодатель формулирует общие принципы и базовые конструкции, которые затем применяются к бесчисленному множеству конкретных случаев. Это колоссальная экономия интеллектуальных и политических ресурсов.

Четвёртый признак — принудительность (обеспеченность государственным принуждением). Право отличается от морали и обычаев тем, что его соблюдение гарантируется возможностью применения легитимного насилия со стороны государства. За нарушением правовой нормы неизбежно следует реакция уполномоченных органов.

Однако было бы упрощением сводить принудительность исключительно к наказанию. В современных правовых системах всё большее значение приобретают позитивные стимулы — льготы, субсидии, преференции, побуждающие субъектов выбирать социально одобряемые модели поведения. Как точно заметил классик экономического анализа права Рональд Коуз, правовая система не столько карает, сколько распределяет права и устанавливает правила их обмена.

Право в системе социальных регуляторов

Право — не единственный регулятор общественных отношений. Ему предшествуют и сосуществуют с ним иные нормативные системы.

Обычаи — правила поведения, сложившиеся в результате многократного повторения и вошедшие в привычку. Обычаи старше права; многие правовые нормы первоначально существовали как обычаи, а затем были санкционированы государством.

Мораль регулирует внутренние установки личности, оперирует категориями добра и зла, совести и долга. Право же регулирует внешнее поведение и не требует от субъекта внутреннего одобрения нормы — достаточно её формального соблюдения.

Религиозные нормы имеют трансцендентное обоснование, их нарушение рассматривается как грех. Правовые нормы исходят от государства и воспринимаются как результат общественного договора или волеизъявления законодателя.

Граница между правом и иными регуляторами подвижна. Исторически право вырастает из обычая и морали; в современном обществе продолжается процесс «огосударствления» тех правил, которые ранее считались сферой исключительно нравственного выбора.

1.2. СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ: ДИХОТОМИЯ «БАЗИС И НАДСТРОЙКА»

Марксистская парадигма: классическая формула и её интерпретация

Приступая к анализу соотношения права и экономики, мы неизбежно обращаемся к теоретическому наследию Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Вопреки распространённому в 1990-е годы стремлению полностью отказаться от марксистской методологии, современная наука признаёт эвристическую ценность категорий «базис» и «надстройка» — разумеется, с определёнными коррективами.

В. С. Кржевов, выступая на Международной конференции МАЭФ-2019, убедительно показал: «Вопреки всем попыткам уйти от марксистской трактовки их соотношения, наиболее правильное понимание достигается как раз через обращение к ключевым понятиям — „базис“ и „надстройка“. В то же время, следует признать, что поскольку эти категории в течение долгого времени употреблялись „автоматически“, они потеряли строгий смысл. Отсюда — голословное отбрасывание самой идеи их необходимого соответствия как якобы чистой идеологемы».

В классическом марксистском изложении (К. Маркс, «К критике политической экономии») общество предстаёт как целостная система, в которой материальные отношения составляют **базис**, а идеологические отношения и институты — **надстройку**. Приведём знаменитую цитату, которая должна быть известна каждому экономисту и юристу:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания».

Из этого следует три ключевых вывода:

— Экономический базис первичен, правовая надстройка вторична.

— Право не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

— Тип права, его содержание и даже его наличие определяются уровнем развития производительных сил.

Однако было бы глубоким заблуждением представлять дело так, будто Маркс и Энгельс рассматривали зависимость права от экономики прямолинейно и упрощённо. Как справедливо отмечается в научной литературе, «из категоричности и однозначности данной трактовки права, конечно, не следует безусловного примата экономического базиса над правовой надстройкой, поскольку марксизм не отрицает возможности активного обратного воздействия права и относительной самостоятельности последнего».

Относительная самостоятельность права и обратное воздействие

Ключевым положением, позволяющим уйти от вульгарно-социологического детерминизма, является тезис об **относительной самостоятельности права**. Энгельс в письме к Конраду Шмидту (1890 г.) специально останавливается на этом вопросе. Он пишет о том, что право, будучи порождением экономических отношений, обретает собственную логику развития, собственные традиции и собственные механизмы функционирования. Более того, Энгельс прямо указывает на возможность **обратного воздействия** права на экономику. Право может как способствовать экономическому развитию (если адекватно отражает потребности производства и обмена), так и тормозить его (если закрепляет устаревшие формы хозяйствования или создаёт необоснованные административные барьеры).

Современный исследователь В. С. Кржевов предлагает оригинальную интерпретацию категорий базиса и надстройки. По его мнению, «базис — структурная композиция общества, надстройка — блок управления. Право — входящая в этот блок система особых нормативных регламентов взаимодействия общественных индивидов». При таком подходе соответствие между базисом и надстройкой не может не иметь необходимого характера. Однако, как подчёркивает Кржевов, «мера соответствия может варьировать в зависимости от конкретных обстоятельств. Степень „расхождения“ неизбежно сказывается на эффективности управления, направленности и темпах изменения общества».

Две традиции: марксизм и экономический анализ права

Интересно сопоставить марксистскую традицию с современным экономическим анализом права. Как отмечает А. А. Алпатов, «осмысливая в совокупности положения марксизма и теории экономики права, думается, что и те и другие приблизились к некоторой критической точке в проблеме соотношения экономики и права. Сопоставляя взгляды этих школ, пожалуй, основное различие между ними можно усмотреть в том, что марксисты не видели перспектив в рыночном устройстве национального хозяйства, предлагали заменить его рациональной системой планирования социальных процессов и ликвидировать частную собственность. Представители экономики права, напротив, пытались сохранить и усовершенствовать рыночную экономику и апеллировали к частной собственности».

Несмотря на различие в ценностных установках, обе школы сходятся в признании того, что экономические отношения играют фундаментальную роль в формировании права. Ключевая проблема для тех и других так или иначе связана с собственностью — центральным институтом как рыночной экономики, так и правовой системы.

1.3. РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГЕНЕЗИСЕ И ЭВОЛЮЦИИ ПРАВА (ОТ ОБЫЧАЯ К ЗАКОНУ)

Догосударственное право: обычай как форма экономической регуляции

Для понимания экономической природы права необходимо обратиться к его истокам. В догосударственном обществе, при первобытно-общинном строе, основным регулятором выступали **обычаи** — правила, сложившиеся в силу многократного повторения и ставшие привычкой. Как отмечает В. С. Кржевов, «методологически важно иметь в виду, что понятия „экономика“ и „право“ содержательно не равновелики — поскольку указывают на разные в своей устойчивости характеристики общества: экономика есть всегда, а право возникает лишь при определённых условиях — как следствие определённой трансформации структурной композиции общества».

Длительное время в первобытном обществе действовали так называемые **монономы** — нерасчленённые, синкретичные правила поведения, в которых сливались воедино нормы обычая, морали, религии и зачатки права. Как отмечается в учебной литературе, «при переходе от присваивающей экономики к производящей в нормативной системе происходят существен-

ные изменения. Под воздействием социально-экономических факторов мононормы постепенно расщепляются на нормы морали, нормы права, религиозные и другие нормы».

Три этапа генезиса права

Процесс возникновения права был длительным и имел ряд этапов.

Первый этап связан с неолитической революцией — переходом от присваивающей экономики (охоты и собирательства) к производящей (земледелию и скотоводству). Как отмечает Л. А. Морозова, «это знаменует появление права, которое складывается не вдруг, не на пустом месте, и на первом этапе представляет собой санкционированные государством (властью) обычаи. Отсюда его название — обычное право».

Второй этап — формирование «правовых ситуаций» и становление обычного права. Обычай становится предпосылкой для появления обычного права. Обычное право — это совокупность протоправовых обычаев, которые на ранних этапах развития государства собираются и фиксируются в писанные источники. Эта фиксация была вызвана необходимостью закрепить, сделать незыблемыми важнейшие отношения развивающегося общества. Экономическая основа этого процесса очевидна: усложнение хозяйственного оборота требовало большей определённости правил.

Третий этап — возникновение государства и формирование правовых обычаев. Под правовым обычаем традиционно понимается санкционированное государством правило поведения, которое ранее сложилось в результате длительного повторения людьми определённых действий и закрепились как устойчивая норма. Правовым обычаем становится после получения официального одобрения государства.

Экономические факторы возникновения права

Почему же обычаи перестали справляться с регулятивной функцией? Как отмечается в учебной литературе, «возникновение права — закономерное следствие усложнения общественных взаимосвязей, углубления и обострения социальных противоречий и конфликтов. Обычаи перестали обеспечивать порядок и стабильность в обществе, а значит, появилась объективная необходимость в принципиально новых регуляторах общественных отношений».

Экономические факторы сыграли здесь решающую роль:

— **Переход к производящей экономике** привёл к возникновению частной собственности, имущественного неравенства, а вместе с ними — новых конфликтов, которые обычаи не могли урегулировать.

— **Развитие торговли и обмена** требовало единых, формально определённых правил, понятных участникам сделок из разных общин.

— **Усложнение хозяйственной жизни** (появление долгов, процентов, аренды, найма) создавало потребность в более детальном и системном регулировании.

Как отмечается в исследовании, посвящённом генезису права, «в отличие от обычаев правовые нормы фиксируются в письменных источниках, содержат чётко сформулированные дозволения, обязывания, ограничения и запреты. Изменяются процедура и порядок обеспечения реализации правовых норм, появляются новые способы контроля за их выполнением: если раньше таким контролёром были общество в целом, его общественные лидеры, то в условиях государства это полиция, армия».

Памятники права как результат кодификации экономических практик

Древнейшие памятники права представляют собой, по существу, кодификацию обычного права, отражавшую сложившиеся экономические отношения.

Законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) детально регулировали имущественные отношения, договоры займа и аренды, цены и заработную плату. В Вавилоне уже существовали развитые товарно-денежные отношения, и правовой памятник отражал эту экономическую реальность.

Законы XII таблиц (Древний Рим, V в. до н. э.) фиксировали правила, регулировавшие имущественные отношения, обязательства из договоров и деликтов. Римское право, развившееся из этих законов, стало впоследствии основой романо-германской правовой традиции.

Русская Правда (XI—XII вв.) кодифицировала обычное право восточных славян. Статьи о резе (процентах по займу), о своде (процедуре поиска пропавшей вещи), о вервной ответственности общины — всё это правовые нормы, выросшие из многократно повторявшихся хозяйственных практик.

Как отмечается в научной литературе, качественное отличие нормативной системы этапа производящей экономики от предшествующего периода состояло, в частности, в том, что «появляются письменные источники, фиксирующие правила поведения с жесткой привязкой этих правил к земледельческому производству (агрокалендари)».

Эволюция права: от синкретизма к дифференциации

Дальнейшая эволюция права — от нерасчленённого, синкретичного обычного права к дифференцированной системе отраслей — также может быть объяснена экономическими причинами. Обычное право не знает чёткого разграничения отраслей (гражданского, административного, уголовного), система наказаний в нём представлена единой. Почему? Потому что экономика традиционного общества также носит синкретный характер. Производство, распределение и потребление не отделены жёстко друг от друга; хозяйственная деятельность тесно переплетена с религиозными, семейными, общинными отношениями.

Разделение права на публичное и частное, гражданское и торговое, материальное и процессуальное — это ответ на усложнение экономической жизни. Возникновение банков потребовало разработки банковского права. Развитие международной торговли вызвало к жизни международное частное право. Появление рынка ценных бумаг привело к формированию акционерного законодательства.

ЦИТАТЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ

— **К. Маркс:** «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка».

— **В. С. Кржевов:** «Методологически важно иметь в виду, что понятия „экономика“ и „право“ содержательно не равновелики — поскольку указывают на разные в своей устойчивости характеристики общества: экономика есть всегда, а право возникает лишь при определённых условиях — как следствие определённой трансформации структурной композиции общества».

— **Из учебной литературы о возникновении права:** «Возникновение права — закономерное следствие усложнения общественных взаимосвязей, углубления и обострения социальных противоречий и конфликтов. Обычаи перестали обеспечивать порядок и стабильность в обществе, а значит, появилась объективная необходимость в принципиально новых регуляторах общественных отношений».

— **А. А. Алпатов о соотношении марксизма и экономического анализа права:** «Сопоставляя взгляды этих школ, пожалуй, основное различие между ними можно усмотреть в том, что марксисты не видели перспектив в рыночном устройстве национального хозяйства, предлагали заменить его рациональной системой планирования... Представители экономики права, напротив, пытались сохранить и усовершенствовать рыночную экономику и апеллировали к частной собственности».

— **О переходе от мононорм к праву:** «При переходе от присваивающей экономики к производящей в нормативной системе происходят существенные изменения. Под воздей-

ствием социально-экономических факторов мононормы постепенно расщепляются на нормы морали, нормы права, религиозные и другие нормы».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПОЛОЖЕНИЯ

1. О понятии права. Право — это система общеобязательных, формально-определённых, гарантированных государством норм, выражающих меру свободы личности и выступающих регулятором общественных отношений. Сущностные признаки права: **нормативность** (общие правила), **формальная определённость** (фиксация в текстах), **системность** (иерархическая организация), **принудительность** (обеспеченность государственным принуждением).

2. О соотношении права и экономики. Классическая марксистская формула «базис — надстройка» при корректном понимании (с учётом относительной самостоятельности права и обратного воздействия права на экономику) сохраняет методологическое значение. Право и экономика находятся не в иерархической, а в координационной связи. Их взаимодействие носит двусторонний характер: экономика поставляет содержание для правовых норм, право обеспечивает экономике стабильность и предсказуемость.

3. О генезисе права. Право возникает из объективной экономической потребности в упорядочении повторяющихся хозяйственных практик. Переход от присваивающей экономики к производящей (неолитическая революция) создал предпосылки для возникновения частной собственности, имущественного неравенства и новых конфликтов, которые обычаи не могли урегулировать. Генетическая цепочка: **фактические экономические отношения → обычай → обычное право → правовой обычай → закон.**

4. Об экономических факторах правообразования. Ключевыми экономическими факторами, ускорившими возникновение права, стали: переход к производящей экономике, развитие торговли и обмена, усложнение хозяйственной жизни (появление долгов, процентов, аренды, найма), возникновение частной собственности и имущественного неравенства.

5. О древнейших памятниках права. Древнейшие памятники права (Законы Хаммурапи, Законы XII таблиц, Русская Правда) представляют собой кодификацию экономических обычаев. Они фиксировали сложившиеся правила о собственности, договорах, обязательствах, наследовании, отражая уровень экономического развития своего времени.

6. Об эволюции права. Развитие права (от синкретичного обычного права к дифференцированной системе отраслей) обусловлено усложнением экономической жизни. Каждый значимый этап в развитии хозяйства порождает новые правовые институты и отрасли.

7. О значении экономического подхода к праву. Понимание экономической обусловленности права позволяет:

- прогнозировать эффективность законодательных нововведений;
- выявлять «узкие места» правового регулирования;
- объяснять расхождение между писаным правом и реальными практиками;
- совершенствовать механизмы правового воздействия на экономику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня мы заложили фундамент нашего курса. Мы выяснили, что право не возникает на пустом месте — оно вырастает из экономических отношений, обслуживает экономический оборот, но при этом обладает собственной логикой и способностью активно воздействовать на экономику.

Главный вывод, который необходимо запомнить: **экономика и право — не «базис» и «надстройка» в примитивном понимании, где одно полностью определяет другое. Это две взаимосвязанные подсистемы социальной реальности, находящиеся в сложных отношениях взаимодействия, взаимовлияния и взаимного ограничения.**

На следующей лекции мы продолжим изучение экономической теории права и обратимся к ключевым фигурам этого направления — Рональду Коузу, Гэри Беккеру и Ричарду Познеру, чьи идеи перевернули представление о соотношении права и экономики во второй половине XX века.

Вопросы для самоконтроля:

— Назовите четыре сущностных признака права. Раскройте экономическое значение каждого из них.

— В чём суть дискуссии о соотношении «базиса» и «надстройки»? Почему категории Маркса сохраняют актуальность?

— Что означает тезис об «относительной самостоятельности» права?

— Каковы причины возникновения права? Какие экономические факторы ускорили этот процесс?

— Что такое «мононормы» и как происходило их расщепление?

— Чем правовой обычай отличается от обычая как социальной нормы?

Задание для самостоятельной работы:

Прочитайте фрагмент работы К. Маркса «К критике политической экономии» (Предисловие) и текст одного из древнейших памятников права (Законов Хаммурапи или Русской Правды). Определите, какие нормы этих памятников непосредственно связаны с регулированием экономических отношений (собственность, договор, наследование, обязательства). Составьте краткий перечень таких норм.

Лекция 2. Системное взаимодействие права и экономики

ВВЕДЕНИЕ: ОТ СТАТИКИ К ДИНАМИКЕ

На предыдущей лекции мы установили фундаментальный факт: право возникает из экономики, обслуживает экономический оборот, но при этом обладает относительной самостоятельностью. Мы рассмотрели, как экономические потребности породили право и как право, в свою очередь, начало активно влиять на экономические процессы. Однако до сих пор мы говорили о взаимодействии права и экономики в самом общем, можно сказать, философском смысле. Сегодня перед нами стоит более сложная и конкретная задача: нам предстоит понять **как именно** осуществляется это взаимодействие. Недостаточно констатировать, что «право влияет на экономику, а экономика — на право». Требуется вскрыть механизмы, каналы, инструменты этого влияния.

Логика нашей сегодняшней лекции выстроена следующим образом. **Во-первых**, мы рассмотрим системный характер связи права и экономики, используя универсальные категории прямой и обратной связи, заимствованные из теории управления и системного анализа. **Во-вторых**, погрузимся в анатомию самой правовой материи: что представляет собой юридическая норма как элементарная частица системы права? Как устроена эта норма? Каковы её составные элементы? **В-третьих**, мы совершим концептуальный переход, который и составляет суть всего нашего курса: посмотрим на ту же юридическую норму, но уже не изнутри юридического знания (как на должностное), а извне — глазами экономиста. Что такое юридическая норма с экономической точки зрения? Это институт, это ограничение, это стимул. И наконец, **в-четвёртых**, мы познакомимся с «отцами-основателями» экономического анализа права — Рональдом Коузом, Гэри Беккером и Ричардом Познером, чьи идеи совершили революцию в понимании соотношения права и экономики во второй половине XX века.

Почему мы так подробно останавливаемся на этих фигурах? Потому что без понимания их вклада невозможно осмыслить современную дискуссию о роли права в экономике. Коуз показал, что правовая система не просто «надстраивается» над экономикой, а активно распределяет ресурсы через распределение прав. Беккер применил экономическую методологию к анализу преступности, показав, что даже преступник — рациональный максимизатор, реагирующий на стимулы. Познер систематизировал эти идеи и создал полноценную исследовательскую программу, которая до сих пор вызывает ожесточённые споры, но игнорировать которую невозможно.

2.1. ПРЯМЫЕ И ОБРАТНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМАМИ

2.1.1. Системный подход к анализу права и экономики

Прежде чем анализировать связи между правом и экономикой, необходимо ответить на вопрос: что мы имеем в виду, когда говорим о «правовой системе» и «экономической системе»? С точки зрения системного подхода, и право, и экономика представляют собой сложные, иерархически организованные множества элементов, находящихся в определённых отношениях и связях друг с другом.

Правовая система — это совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических средств (норм, институтов, отраслей), с помощью которых публичная власть оказывает регулятивное воздействие на общественные отношения. Правовая система включает не только нормы права, но и правоотношения, правосознание, правовую культуру, юридическую практику.

Экономическая система — это совокупность производственных отношений, способов производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, а также институтов, обеспечивающих их функционирование.

Эти две системы не существуют изолированно. Они находятся в состоянии постоянного взаимодействия, образуя метасистему — сложное целое, свойства которого не сводимы к сумме свойств его частей.

Анализ взаимодействия права и экономики только тогда становится продуктивным, когда мы перестаём рассматривать их как изолированные субстанции. Ни право не существует «рядом» с экономикой, ни экономика — «помимо» права. Они сосуществуют в едином социальном пространстве, пронизывают друг друга, создают условия для существования друг друга. Для того чтобы описать это взаимное влияние, теория управления и системный анализ предлагают универсальный инструментарий — категории **прямой и обратной** связи. Эти категории позволяют перевести метафоры («базис и надстройка») на язык конкретных механизмов.

2.1.2. Прямая связь: детерминация права экономикой

Прямая связь в системе «экономика — право» означает поток воздействия, идущий от экономических отношений к правовой форме. Экономика выступает в роли управляющей подсистемы (хотя и не всегда осознанно), право — в роли управляемой. Каковы же конкретные каналы этой прямой связи? Исследователи выделяют несколько основных механизмов.

Первый канал: потребность в правовой фиксации сложившихся отношений. Экономическая практика всегда богаче, вариативнее и динамичнее, чем право. Участники оборота постоянно изобретают новые схемы взаимодействия, находят новые формы сотрудничества, создают новые рыночные конструкции. Когда эти схемы получают массовое распространение, когда они доказывают свою жизнеспособность и эффективность, возникает объективная необходимость в их юридическом оформлении. Законодатель не «выдумывает» новые правовые институты из головы — он обнаруживает их в практике и придаёт им легальную форму. Так, развитие Интернета и цифровых платежей в 1990—2000-е годы вызвало к жизни законодательство об электронной подписи, о цифровых финансовых активах, о крауд-фандинге. Так, развитие рынка ценных бумаг привело к формированию сложного законодательства о ценных бумагах, которое вбирало в себя практику биржевой торговли.

Второй канал: экономическая целесообразность как критерий качества правовой нормы. Законодатель, создавая норму, вынужден задаваться вопросом: как она повлияет на хозяйственную деятельность? Не приведёт ли избыточное регулирование к стагнации? Не создаст ли пробел в праве возможности для злоупотреблений? Не заставит ли неоправданно жёсткая норма предпринимателей уходить в тень? Даже если законодатель руководствуется не экономическими, а политическими или идеологическими соображениями, он не может полностью игнорировать экономические последствия, поскольку утрата экономической эффективности подрывает легитимность власти в глазах населения, вызывает социальное недовольство и, в конечном счёте, угрожает стабильности режима.

Третий канал: экономическая сила как источник фактического изменения нормы. Данный канал действует неофициально, но от этого не менее значимо. Крупный бизнес, обладая ресурсами, может влиять на правотворчество (через лоббизм в парламенте, через экспертные советы при министерствах, через участие в рабочих группах по подготовке законопроектов) и на правоприменение (через судебные прецеденты, формируемые в спорах с участием мощных юридических служб, через избирательное применение административных регламентов). Это не всегда коррупция в прямом смысле; часто это естественный процесс: экономически доминирующие субъекты имеют больше возможностей для артикуляции своих интересов и их трансляции в правовую материю.

2.1.3. Обратная связь: активная роль права в экономической системе

Если бы право было лишь пассивным зеркалом экономики, его роль сводилась бы к нотариальному удостоверению уже свершившихся фактов. Однако право обладает **обратным воздействием** на экономику. Более того, именно в способности к обратному воздействию раскрывается его инструментальная ценность. Право не просто отражает экономику — оно её конструирует, направляет, ограничивает, стимулирует.

Первая функция обратной связи: стабилизация и снижение неопределённости.

Рыночная экономика немыслима без долгосрочных вложений капитала. Предприниматель, вкладывая средства в строительство завода, должен быть уверен, что через пять лет завод не будет отобран, что правила налогообложения не изменятся кардинально, что его контрагенты будут вынуждены исполнять свои обязательства. Именно право создаёт этот режим предсказуемости. Оно устанавливает чёткие правила игры, защищает право собственности, обеспечивает исполнение договоров. Без этой уверенности экономическая активность ограничивается спекулятивными и краткосрочными операциями, невозможны крупные инвестиции в основной капитал, невозможны инновации.

Вторая функция обратной связи: стимулирование экономического развития.

Право может не только закреплять сложившееся, но и создавать условия для будущего роста. Налоговые льготы для инвестиций в приоритетные отрасли — это правовой механизм, который стимулирует переток капитала. Особые экономические зоны с льготным режимом регулирования — это правовой эксперимент по созданию точек роста. Преференции для малого предпринимательства — это правовая поддержка самого динамичного сектора экономики. Во всех этих случаях право выступает не как пассивный регистратор, а как активный инструмент экономической политики.

Третья функция обратной связи: ограничение и запрет. Право устанавливает границы, за которые экономическая деятельность не должна выходить. Антимонопольное законодательство запрещает злоупотребление доминирующим положением. Экологическое законодательство устанавливает предельно допустимые нормы выбросов. Законодательство о защите прав потребителей требует определённого качества товаров и услуг. Законодательство о санитарно-эпидемиологическом благополучии запрещает производство опасной продукции. Все эти запреты и ограничения — не «помеха» экономике, а её необходимая корректировка, предотвращающая разрушительные последствия «слепой» рыночной стихии.

Четвёртая функция обратной связи: разрешение конфликтов. Любая экономическая система порождает споры. Продавец недоволен покупателем, который задержал оплату. Покупатель недоволен продавцом, который поставил некачественный товар. Соседи спорят о границах земельных участков. Государство спорит с предпринимателем о правильности уплаты налогов. Без эффективного механизма разрешения этих споров транзакционные издержки становятся непомерными, экономическая деятельность парализуется. Судебная система, третейские суды, административные процедуры — это правовые институты, обеспечивающие «ремонт» экономических связей в случае их разрыва.

2.1.4. Четыре модели взаимодействия права и экономики

Обобщая многовековой опыт сосуществования права и экономики в различных странах и в различные исторические эпохи, можно выделить четыре базовые модели их взаимодействия. Каждая модель представляет собой определённую конфигурацию прямой и обратной связи, определённый способ балансировки частных и публичных интересов.

Модель 1. Правовой минимализм (либеральная модель). Эта модель характерна для раннего капитализма XIX века. Государство устанавливает лишь самые общие «правила игры» (запрет насилия, защита собственности, исполнение договоров) и не вмешивается в экономические процессы. Прямая связь (экономика → право) сильна: право чутко реагирует на потребности бизнеса. Обратная связь (право → экономика) слаба: государство сознательно воздерживается от активного регулирования. Достоинства этой модели — максимальная экономи-

ческая свобода, высокая предпринимательская инициатива. Недостатки — слабая социальная защита населения, тенденция к монополизации, циклические кризисы, социальные взрывы.

Модель 2. Правовой этатизм (социалистическая модель). Эта модель была реализована в СССР и других социалистических странах. Государство через право полностью подчиняет экономику. Частная собственность либо ликвидируется, либо существенно ограничивается. Экономические планы приобретают силу закона. Прямая связь (экономика → право) подавлена: право не отражает стихийные экономические процессы, а навязывает им директивные формы. Обратная связь (право → экономика) гипертрофирована: право используется как инструмент тотального управления. Достоинства этой модели — возможность быстрой мобилизации ресурсов для решения приоритетных задач (оборона, индустриализация). Недостатки — отсутствие стимулов к инновациям, хронический дефицит, низкое качество продукции, технологическая отсталость.

Модель 3. Правовой патернализм (социально-рыночная модель). Эта модель характерна для современных развитых стран с социально ориентированной рыночной экономикой (Германия, Франция, скандинавские страны). Государство активно регулирует экономику, но не подменяет собой рыночные механизмы. Оно корректирует рыночные результаты в соответствии с представлениями о социальной справедливости, но не ликвидирует сам рынок. Прямая связь (экономика → право) сохраняется: бизнес активно участвует в законотворчестве через механизмы социального партнёрства. Обратная связь (право → экономика) сильна, но действует через экономические (налоги, бюджет, льготы), а не административные методы. Достоинства этой модели — сочетание эффективности и социальной справедливости. Недостатки — сложность поиска оптимального баланса, риск бюрократизации, опасность «социального иждивенчества».

Модель 4. Правовой нигилизм (патологическая модель). Эта модель не является сознательно выбранной; это скорее патологическое состояние системы, возникающее при разрушении правопорядка. Право игнорируется либо субъектами экономики (теневой сектор, криминальные практики), либо самим государством (произвол чиновников, избирательное правоприменение). Прямая связь (экономика → право) искажается: экономическая сила замещает правовые нормы. Обратная связь (право → экономика) парализуется: правовые запреты не действуют, правовые стимулы не работают. Последствия этой модели — рост транзакционных издержек, коррупция, стагнация, деградация.

Для современной России характерно движение от модели 2 (советский этатизм) через элементы модели 4 (1990-е годы) к формированию модели 3 (правовой патернализм). Однако этот процесс сложен и противоречив; элементы всех четырёх моделей сосуществуют в современной российской действительности, создавая сложную, противоречивую институциональную среду.

2.2. ЮРИДИЧЕСКАЯ НОРМА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРАВА

2.2.1. Понятие и признаки юридической нормы

Если мы хотим понять, как право воздействует на экономику, мы должны спуститься на микроуровень — к той «клеточке» правовой материи, которая и осуществляет это воздействие. Такой «клеточкой» является **юридическая норма**.

Юридическая норма — это общеобязательное, формально-определённое правило поведения, установленное или санкционированное государством, обеспеченное возможностью государственного принуждения и выступающее регулятором общественных отношений.

Это определение нуждается в комментариях по каждому из признаков.

Общеобязательность означает, что юридическая норма адресована неопределённому кругу лиц и обязательна для всех, кто попадает в сферу её действия. Никто не может оправ-

дывать своё нарушение закона тем, что он не знал его содержания, или тем, что закон ему не нравится.

Формальная определённость означает, что юридическая норма зафиксирована в определённом источнике (законе, указе, постановлении, прецеденте) и может быть выражена в словесной формуле. Это отличает право от обычаев, которые могут существовать в устной форме.

Установление или санкционирование государством означает, что юридическая норма либо непосредственно создаётся государственными органами (нормотворчество), либо признаётся государством в качестве обязательной (санкционирование обычаев).

Обеспеченность государственным принуждением означает, что за нарушением юридической нормы следует реакция государства — применение санкций. В этом — главное отличие права от морали, которая обеспечивается лишь силой общественного мнения и внутренними установками личности.

2.2.2. Структура юридической нормы: классическая модель

Классическая структура юридической нормы включает три элемента: **гипотезу, диспозицию и санкцию**. Эта трёхчленная структура отражает логику правового регулирования: «если (условие) — то (правило поведения) — иначе (последствия нарушения)».

Гипотеза — это часть юридической нормы, которая указывает на условия, обстоятельства, при которых норма начинает действовать. Гипотеза отвечает на вопросы: при каких обстоятельствах? в отношении кого? в какое время? Например, в норме о купле-продаже гипотеза: «если одна сторона (продавец) передаёт вещь в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель уплачивает за неё определённую денежную сумму». Гипотезы бывают простыми (указывают одно условие), сложными (указывают несколько условий, каждое из которых достаточно), альтернативными (указывают несколько условий, и достаточно любого из них).

Диспозиция — это часть юридической нормы, которая содержит само правило поведения, указывает на права и обязанности субъектов. Диспозиция отвечает на вопрос: что именно должны делать (или от чего воздерживаться) участники отношения? Например, в норме о купле-продаже диспозиция: «продавец обязан передать товар надлежащего качества в установленный срок; покупатель обязан принять товар и уплатить цену». Диспозиции бывают управомочивающими (предоставляют право), обязывающими (предписывают действие), запрещающими (предписывают воздержание от действия).

Санкция — это часть юридической нормы, которая указывает на неблагоприятные последствия для нарушителя диспозиции. Санкция отвечает на вопрос: что произойдёт, если правило не будет выполнено? Например, в норме о купле-продаже санкция: «в случае неисполнения обязательства виновная сторона уплачивает неустойку и возмещает убытки». Санкции бывают праввосстановительными (направлены на восстановление нарушенного права, например, взыскание долга) и штрафными (направлены на наказание нарушителя, например, штраф, конфискация, лишение свободы).

Важно отметить, что не всякая правовая норма имеет трёхчленную структуру. В нормах-принципах, нормах-декларациях, нормах-дефинициях может отсутствовать санкция. Однако полноценная регулятивная норма, направленная на непосредственное регулирование поведения, включает все три элемента, даже если они разнесены по разным статьям одного нормативного акта или по разным актам. Например, уголовно-правовая норма может включать гипотезу и диспозицию в одной статье (Особенная часть УК РФ), а санкцию — в другой (Общая часть УК РФ).

2.2.3. Виды юридических норм

Юридические нормы многообразны. Их можно классифицировать по различным основаниям.

По функциональной роли различают:

— **Регулятивные нормы** — устанавливают правила поведения (права и обязанности). Делятся на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

— **Охранительные нормы** — устанавливают меры юридической ответственности за нарушение регулятивных норм.

— **Специализированные нормы** — выполняют вспомогательные функции: нормы-принципы (закрепляют основополагающие идеи), нормы-дефиниции (дают определения понятий), коллизионные нормы (разрешают противоречия между нормами), оперативные нормы (устанавливают порядок вступления в силу и отмены других норм).

По характеру предписания различают:

— **Императивные нормы** — не допускают никаких отступлений; участники отношения обязаны строго следовать предписанию.

— **Диспозитивные нормы** — предоставляют участникам отношения возможность самим урегулировать свои отношения; правила, содержащиеся в норме, применяются лишь постольку, поскольку стороны не договорились об ином.

Это различие имеет фундаментальное значение для экономического анализа права. Императивные нормы устанавливают жёсткие границы, за которые нельзя выходить; диспозитивные нормы создают для участников оборота «каркас», который они могут заполнять по своему усмотрению, снижая транзакционные издержки.

По кругу лиц различают:

— **Общие нормы** — распространяются на всех лиц, находящихся на данной территории.

— **Специальные нормы** — распространяются на определённую категорию лиц (военнослужащие, государственные служащие, пенсионеры, несовершеннолетние).

По времени действия различают:

— **Постоянные нормы** — действуют без ограничения срока.

— **Временные нормы** — действуют в течение определённого периода (обычно указывается в самом нормативном акте).

2.2.4. Система права: иерархия норм, институтов и отраслей

Юридические нормы не существуют изолированно. Они объединяются в более крупные структурные подразделения — **правовые институты и отрасли права**.

Правовой институт — это совокупность правовых норм, регулирующих однородный вид общественных отношений. Например, институт купли-продажи в гражданском праве, институт брака в семейном праве, институт назначения наказания в уголовном праве. Правовой институт может включать нормы, относящиеся к разным отраслям права (например, институт собственности включает нормы и гражданского, и конституционного, и уголовного права).

Отрасль права — это совокупность правовых институтов, регулирующих целую сферу однородных общественных отношений. К основным отраслям права относятся: конституционное право, гражданское право, уголовное право, административное право, трудовое право, семейное право, финансовое право, земельное право, экологическое право и др.

Система права имеет иерархическое строение. Нормы права группируются в институты, институты — в отрасли, отрасли — в систему права в целом. При этом нормы разных уровней иерархии находятся в отношениях субординации: нормы высшего уровня обладают большей юридической силой и определяют содержание норм низшего уровня.

2.2.5. Система законодательства: отличие от системы права

Не следует смешивать **систему права** (объективно существующую структуру правовых норм, институтов и отраслей) и **систему законодательства** (внешнюю форму выражения правовых норм — иерархию нормативных актов).

Система законодательства включает:

- Конституцию РФ (основной закон, обладающий высшей юридической силой);
- федеральные конституционные законы (принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией);
- федеральные законы (включая кодексы);
- подзаконные акты (указы Президента, постановления Правительства, ведомственные нормативные акты);
- законы и иные нормативные акты субъектов РФ;
- муниципальные правовые акты.

Отношения между системой права и системой законодательства сложны и многогранны. Отрасль права не всегда совпадает с отраслью законодательства. Например, хозяйственное законодательство может включать нормы гражданского, административного, финансового права. И наоборот, одна отрасль права может быть кодифицирована в нескольких кодексах (например, административное право кодифицировано в КоАП РФ, но не ограничивается им).

Для специалиста по экономической безопасности важно понимать различие между системой права и системой законодательства, поскольку это различие влияет на поиск и применение правовых норм. Нормы, относящиеся к одной отрасли, могут быть «разбросаны» по разным нормативным актам; одна и та же статья кодекса может содержать нормы, относящиеся к разным правовым институтам.

2.3. ЮРИДИЧЕСКАЯ НОРМА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

2.3.1. От юридической догматики к экономическому инструментализму: смена ракурса

Мы рассмотрели юридическую норму изнутри — как элемент системы права, обладающий собственной логикой строения, своей внутренней структурой, своими типами и видами. Теперь совершим радикальный методологический сдвиг и посмотрим на ту же самую норму извне — глазами экономиста.

Для юриста норма права есть **правило должного**. Юридический анализ сосредоточен на вопросах: соответствует ли норма вышестоящим актам? распространяется ли она на данные отношения? каковы пределы её действия? как она соотносится с другими нормами? как её следует толковать? Эти вопросы важны и необходимы, но они не исчерпывают всего содержания права.

Экономиста интересует иное. Экономист смотрит на правовую норму не как на должностное, а как на **институт** — устойчивый комплекс правил, структурирующих взаимодействие людей. Экономиста волнуют вопросы: какое поведение стимулирует эта норма? какие издержки создаёт? какие выгоды сулит? как изменится поведение субъектов, если изменить содержание нормы? как перераспределяются ресурсы в результате действия нормы?

Этот угол зрения получил название **экономического анализа права (Economic Analysis of Law)**. Его суть — применение инструментария микроэкономической теории (теории цен, теории спроса, теории предельных издержек, теории игр) к исследованию правовых норм и институтов. Экономический анализ права не отрицает юридической догматики, но дополняет её, задавая дополнительные вопросы и предлагая дополнительные критерии оценки.

2.3.2. Юридическая норма как институт: понятие института

В институциональной экономической теории **институт** определяется как совокупность формальных и неформальных правил, структурирующих взаимодействие людей, а также механизмов, обеспечивающих соблюдение этих правил. Институты выполняют функцию снижения неопределённости в социальных взаимодействиях.

Формальные институты — это правила, установленные государством и зафиксированные в нормативных актах. К формальным институтам относятся законы, подзаконные акты, судебные прецеденты. Неформальные институты — это правила, не зафиксированные в законах, но

признаваемые участниками взаимодействия (обычаи, традиции, нормы деловой этики, репутация).

Юридическая норма — это классический формальный институт. Она устанавливает правила поведения, определяет последствия их нарушения, опирается на механизм государственного принуждения. В этом качестве она структурирует экономическое взаимодействие, снижает неопределённость, позволяет строить долгосрочные планы.

2.3.3. Две функции юридической нормы: ограничение и стимул

С точки зрения экономического анализа, юридическая норма выполняет две взаимосвязанные функции: **функцию ограничения** и **функцию стимула**. Эти функции — две стороны одной медали.

Функция ограничения. Юридическая норма всегда устанавливает границы дозволенного. Она запрещает одно, разрешает другое, предписывает третье. Запрет монополизации, ограничение максимальной ставки процента по кредиту, обязательные требования к качеству товара, лицензирование отдельных видов деятельности — все это ограничения. Они сужают пространство возможных действий экономического агента, исключая некоторые варианты поведения. Без этих ограничений экономическая деятельность была бы хаотичной и разрушительной — «войной всех против всех».

Однако сводить право только к ограничениям — значит видеть лишь одну сторону медали. Ограничения не были бы эффективны, если бы право не создавало одновременно и стимулы к определённому поведению.

Функция стимула. Юридическая норма также создаёт стимулы — положительные побудительные мотивы к определённому поведению. Налоговая льгота — это стимул инвестировать в определённую отрасль. Возможность взыскать убытки с неисправного контрагента — это стимул исполнять договор надлежащим образом. Патентная охрана — это стимул к инновациям. Угроза уголовного наказания — это стимул воздерживаться от преступлений.

Ключевая идея экономического анализа права: **субъекты рационально реагируют на правовые стимулы**. Они соизмеряют выгоды и издержки различных вариантов поведения и выбирают тот, который максимизирует их чистую выгоду. Если ответственность за нарушение договора ужесточается, рациональный контрагент будет уделять больше внимания исполнению обязательств. Если налог на прибыль снижается, рациональный предприниматель увеличивает инвестиции. Если вероятность быть пойманным за налоговое уклонение возрастает, рациональный налогоплательщик становится более дисциплинированным.

Эта гипотеза рационального реагирования является центральной для всей исследовательской программы экономического анализа права. Разумеется, в реальности люди не всегда ведут себя как рациональные максимизаторы; они подвержены когнитивным искажениям, следуют привычкам, поддаются эмоциям, действуют под влиянием моральных соображений. Однако, как убедительно показывают эмпирические исследования, в агрегированном масштабе, на уровне больших групп, поведение в значительной степени подчиняется логике стимулов.

2.3.4. Юридические нормы как распределение прав: теорема Коуза

Ключевой вклад Рональда Коуза в экономический анализ права состоит в том, что он показал: правовые нормы не просто ограничивают или стимулируют поведение, они **распределяют права**. А распределение прав имеет экономическую ценность, поскольку права являются ресурсом, который можно обменивать, продавать, использовать.

Рассмотрим классический пример Коуза: завод, загрязняющий воздух, и жители близлежащего района, страдающие от загрязнения. С точки зрения традиционного юридического анализа, здесь нужно определить, кто прав: завод имеет право производить продукцию, даже если это создаёт неудобства для жителей? Или жители имеют право на чистый воздух, даже

если это означает закрытие завода? Юридический анализ отвечает на вопрос «кто прав?» на основании закона. Но для экономиста этот вопрос не имеет однозначного ответа.

Коуз показал, что при определённых условиях (нулевые транзакционные издержки, чёткая спецификация прав) стороны могут договориться между собой независимо от того, как первоначально распределены права. Если у жителей есть право на чистый воздух, завод может выкупить это право, установив фильтры или выплатив компенсацию. Если у завода есть право на загрязнение, жители могут собрать деньги и заплатить за установку фильтров. В обоих случаях результатом будет эффективное решение — либо завод устанавливает фильтры, если это дешевле, чем выплачивать компенсацию, либо продолжает загрязнение, если это выгоднее.

Это рассуждение приводит к знаменитой **Теореме Коуза**: «При нулевых транзакционных издержках и чёткой спецификации прав собственности окончательное распределение ресурсов оказывается эффективным (Парето-оптимальным) вне зависимости от первоначального распределения прав собственности».

Из теоремы Коуза следуют два важных вывода для понимания юридической нормы как экономического института.

Первый вывод: право имеет экономическую ценность. Распределение прав — это не просто декларация справедливости, а наделение одной из сторон ценным активом. Судья, разрешая спор о праве, не просто восстанавливает «истину»; он распределяет экономические ресурсы.

Второй вывод: при положительных транзакционных издержках (а в реальности они всегда положительны) первоначальное распределение прав критически важно — оно остаётся финальным. Поэтому правовая система должна стремиться к такому распределению прав, которое минимизировало бы потери от невозможности последующего перераспределения. Иными словами, право должно быть экономически эффективным.

2.3.5. Юридические нормы как стимулы для правонарушителей: экономический подход Беккера

Гэри Беккер применил экономическую методологию к анализу преступности, сформулировав модель, которая до сих пор является основой экономического анализа уголовного права.

Модель Беккера исходит из предпосылки, что потенциальный преступник — такой же рациональный максимизатор, как и любой другой экономический агент. Он соизмеряет ожидаемую выгоду от совершения преступления с ожидаемыми издержками. Издержки включают:

- вероятность быть пойманным;
- суровость наказания (штраф, лишение свободы);
- альтернативные издержки (упущенный доход от легальной деятельности).

Индивид совершает преступление, если ожидаемая выгода превышает ожидаемые издержки. Отсюда следует, что общество может снижать уровень преступности двумя способами:

- повышая вероятность раскрытия преступлений (увеличивая риск);
- ужесточая наказания (увеличивая цену нарушения).

Беккер не утверждал, что каждый преступник в момент совершения деяния производит детальную калькуляцию выгод и издержек. Его тезис иной: агрегированное, статистическое поведение подчиняется логике стимулов. Если повышается вероятность наказания, количество преступлений снижается — эту гипотезу подтверждает множество эмпирических исследований.

Экономический подход Беккера был распространён им на анализ дискриминации, человеческого капитала, семьи, брака и разводов. Повсюду он искал рациональную основу, реагирующую на изменение относительных цен и ограничений. Это вызвало ожесточённую критику: оппоненты обвиняли Беккера в редукционизме, игнорировании морального измерения, в

«оцифровывании» человека. Однако даже критики признавали эвристическую мощь его подхода.

Для понимания юридической нормы как экономического института подход Беккера означает, что правовая норма должна рассматриваться как инструмент изменения относительных цен на различные виды поведения. Ужесточая наказание, законодатель повышает «цену» правонарушения. Упрощая процедуры, снижает «цену» легальной деятельности. Игнорирование этого обстоятельства — типичная ошибка законодателя, который исходит из благих намерений, но не учитывает рациональной реакции субъектов.

2.3.6. Юридические нормы как инструмент максимизации богатства: синтез Познера

Ричард Познер — фигура, завершившая формирование экономического анализа права как самостоятельной исследовательской программы. Он не открыл новых фундаментальных фактов (как Коуз) и не применил экономический анализ к новым сферам (как Беккер), но он сделал нечто иное: он систематизировал, развил и популяризировал экономический анализ права, придав ему статус полноценной научной дисциплины.

Познер выдвинул смелый тезис: нормы англо-американского общего права (прецедентного права) несут в себе неявную логику экономической эффективности. Судьи, разрешая конкретные споры, интуитивно ищут решения, максимизирующие общественное богатство. Это не означает, что они сознательно изучают учебники экономики; просто многовековая практика судебного правотворчества отобрала наиболее эффективные правила.

Этот тезис имеет как позитивное (описательное), так и нормативное (предписывающее) измерение. Позитивный тезис: общее право эффективно по факту. Нормативный тезис: правовые нормы должны быть эффективными.

Познер предлагает заменить утилитаристский принцип «максимизации счастья» на принцип **«максимизации богатства» (wealth maximization)**. Богатство понимается не как денежная масса, а как совокупная ценность всех товаров и услуг, оценённая через готовность платить (willingness to pay). Этот принцип, по мнению Познера, преодолевает недостатки классического утилитаризма (невозможность межличностных сравнений полезности) и лучше согласуется с рыночной экономикой.

Для понимания юридической нормы как экономического института подход Познера означает, что норма должна оцениваться по её способности увеличивать общественное богатство. Если норма приводит к неэффективному распределению ресурсов, она должна быть изменена — независимо от того, насколько «справедливой» она кажется с той или иной моральной позиции.

ЦИТАТЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ

1. О взаимодействии права и экономики:

«Вопреки всем попыткам уйти от марксистской трактовки их соотношения, наиболее правильное понимание достигается как раз через обращение к ключевым понятиям — „базис“ и „надстройка“» (В. С. Кржевов).

2. О четырёх моделях взаимодействия права и экономики:

«Правовой минимализм, правовой этатизм, правовой патернализм, правовой нигилизм — четыре модели, которые с разной степенью чистоты реализовывались в различные исторические эпохи и в различных странах».

3. О структуре юридической нормы:

«Классическая структура юридической нормы включает три элемента: гипотезу (условия действия), диспозицию (правило поведения) и санкцию (последствия нарушения)».

4. О разграничении императивных и диспозитивных норм:

«Императивные нормы не допускают никаких отступлений; диспозитивные нормы предоставляют участникам отношения возможность самим урегулировать свои отношения».

5. О юридической норме как ограничении и стимуле:

«С точки зрения экономического анализа, юридическая норма выполняет две взаимосвязанные функции: функцию ограничения и функцию стимула».

6. О теореме Коуза:

«При нулевых транзакционных издержках и чёткой спецификации прав собственности окончательное распределение ресурсов оказывается эффективным (Парето-оптимальным) вне зависимости от первоначального распределения прав собственности» (Р. Коуз).

7. Об экономическом подходе к преступности:

«Индивид совершает преступление, если ожидаемая выгода от него превышает ожидаемые издержки» (Г. Беккер).

8. О максимизации богатства:

«Правовые нормы должны быть эффективными, то есть максимизировать общественное богатство» (Р. Познер).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПОЛОЖЕНИЯ

1. О прямой и обратной связи между правом и экономикой.

Право и экономика связаны двусторонней причинно-следственной связью. **Прямая связь** (экономика → право): экономические отношения формируют запрос на правовое регулирование, экономическая целесообразность выступает критерием качества нормы, экономическая сила трансформирует нормы через лоббизм и прецеденты. **Обратная связь** (право → экономика): право стабилизирует экономический оборот, снижает неопределённость, стимулирует одни виды деятельности и запрещает другие, разрешает конфликты.

2. О четырёх моделях взаимодействия.

Выделяют четыре модели: **правовой минимализм** (минимальное государство, максимальная свобода), **правовой этатизм** (тотальное огосударствление экономики), **правовой патернализм** (активное регулирование при сохранении рыночных основ), **правовой нигилизм** (патологическое состояние, разрушение правопорядка). Современная Россия движется от этатизма через нигилизм к патернализму.

3. О структуре юридической нормы.

Классическая структура юридической нормы включает три элемента: **гипотезу** (условия действия), **диспозицию** (правило поведения), **санкцию** (последствия нарушения). Нормы делятся на императивные (не допускают отступлений) и диспозитивные (предоставляют свободу усмотрения). Это различие имеет фундаментальное значение для экономического анализа.

4. О системе права и системе законодательства.

Система права — объективно существующая структура правовых норм, институтов и отраслей. **Система законодательства** — внешняя форма выражения правовых норм (иерархия нормативных актов). Они не совпадают: одна отрасль права может быть кодифицирована в нескольких кодексах, один кодекс может содержать нормы разных отраслей.

5. О юридической норме как экономическом институте.

С точки зрения экономики, юридическая норма — это институт, выполняющий две функции: **ограничение** (установление границ дозволенного) и **стимул** (создание побудительных мотивов). Центральная гипотеза экономического анализа права: **субъекты рационально реагируют на правовые стимулы**, соизмеряя выгоды и издержки различных вариантов поведения.

6. О теореме Коуза.

Рональд Коуз доказал, что при нулевых транзакционных издержках первоначальное распределение прав не влияет на эффективность конечного результата. В реальном мире с положительными транзакционными издержками правовая система должна стремиться к такому исходному распределению прав, которое минимизирует потери от невозможности последующего перераспределения. Право — не просто «надстройка», а активный фактор распределения ресурсов.

7. Об экономическом подходе к преступности.

Гэри Беккер распространил экономическую методологию на анализ преступности. Его модель: индивид совершает преступление при превышении ожидаемой выгоды над ожидаемыми издержками. Уровень преступности есть функция от вероятности наказания и его суровости.

8. О максимизации богатства.

Ричард Познер систематизировал экономический анализ права. Его нормативный тезис: правовые нормы должны быть эффективными, то есть максимизировать общественное богатство. Принцип максимизации богатства (через готовность платить) преодолевает недостатки классического утилитаризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня мы совершили сложное интеллектуальное движение. Мы начали с общей теории систем и закономерностей взаимодействия права и экономики (прямые и обратные связи, четыре модели). Затем погрузились в глубины юридической догматики, чтобы понять, как устроена та «клеточка» правовой материи, которую мы называем юридической нормой (её структура, виды, место в системе права и системы законодательства). И, наконец, мы вынырнули из этой догматики на поверхность экономической реальности, посмотрев на право как на инструмент, как на ограничитель и стимул, как на фактор распределения ресурсов. Мы познакомились с тремя гигантами экономического анализа права — Коузом, Беккером, Познером — чьи идеи перевернули представление о соотношении права и экономики.

Возможно, у вас возник вопрос: зачем специалисту по экономической безопасности знать имена Коуза, Беккера и Познера, разбираться в структуре юридической нормы, анализировать модели взаимодействия права и экономики? Ответ прост и прагматичен. Экономическая безопасность обеспечивается не только видеокамерами и охраной периметра. Она обеспечивается в первую очередь качеством институтов. Если права собственности специфицированы нечётко, если суды не способны защитить контракт, если налоговая система создаёт стимулы уходить в тень — никакая физическая охрана не спасёт бизнес от неэкономических рисков. Понимание того, как право «работает» в экономике, как оно влияет на поведение людей, как распределяет издержки и выгоды — это и есть базовый навык, отличающий современного специалиста по безопасности от простого охранника.

На следующей лекции мы применим этот понятийный аппарат к анализу методологии экономического анализа права. Мы рассмотрим, что такое «рациональность», «методологический индивидуализм», «реакция на стимулы» — и чем экономический взгляд на право принципиально отличается от взгляда юридического.

Вопросы для самоконтроля:

— Раскройте содержание прямой и обратной связи в системе «право — экономика». Приведите примеры из современной российской практики.

— Охарактеризуйте четыре модели взаимодействия права и экономики. Какой модели соответствует современная Россия?

— Какова структура юридической нормы? Что такое гипотеза, диспозиция, санкция?

— В чём различие между императивными и диспозитивными нормами? Почему это различие важно для экономического анализа?

— Что такое система права и система законодательства? В чём их отличие?

— Почему юридическая норма может рассматриваться как экономический институт? В чём различие функций ограничения и стимулирования?

— Сформулируйте теорему Коуза. Какое значение она имеет для правовой системы?

— В чём заключается экономический подход Гэри Беккера к анализу преступности?

— Каков нормативный тезис Ричарда Познера? Что такое «максимизация богатства»?

Задание для самостоятельной работы:

Выберите одну из статей Гражданского кодекса РФ (например, ст. 454 «Договор купли-продажи») или Уголовного кодекса РФ (например, ст. 158 «Кража»). Проанализируйте её с двух позиций:

— как элемент системы права (определите гипотезу, диспозицию, санкцию; укажите, к какому правовому институту и отрасли относится норма; является ли она императивной или диспозитивной);

— как экономический институт (какие ограничения устанавливает норма? какие стимулы создаёт? как она влияет на поведение экономических агентов?).

Результаты анализа представьте в виде краткого эссе (2—3 страницы). Это задание позволит вам на практике применить двойную оптику — юридическую и экономическую — которая является отличительной чертой нашего курса.

Лекция 3. Методология и базовые принципы экономического анализа права

ВВЕДЕНИЕ: КАК МЫСЛЯТ ЭКОНОМИСТЫ, КОГДА АНАЛИЗИРУЮТ ПРАВО?

На первых двух лекциях мы заложили фундамент нашего курса. Мы выяснили, что право возникает из экономики, обслуживает экономический оборот, но при этом обладает относительной самостоятельностью и способностью активно воздействовать на экономические процессы. Мы рассмотрели, как устроена юридическая норма — «клеточка» правовой материи — и как она может быть интерпретирована как экономический институт, создающий ограничения и стимулы. Мы познакомились с тремя гигантами экономического анализа права — Коузом, Беккером и Познером, — чьи идеи перевернули представление о соотношении права и экономики.

Однако мы пока не ответили на самый важный методологический вопрос: **а как именно экономисты анализируют право?** Какими мыслительными инструментами они пользуются? Какие базовые предпосылки лежат в основе их рассуждений? Чем экономический взгляд на право принципиально отличается от взгляда юридического? Ответам на эти вопросы посвящена сегодняшняя лекция.

Для понимания методологии экономического анализа права необходимо учитывать исторический контекст его формирования. Как отмечает известный чешский экономист Роберт Холман, «современная история экономического анализа права начинается в рамках теорий прав собственности и транзакционных издержек». Эти теории возникли как реакция на недостатки традиционного экономического подхода, который игнорировал институциональную среду, в которой совершаются сделки. Экономический анализ права, как подчёркивает Холман, «касается прогнозирования влияния законодательных норм на стимулы и поведение индивидов и оценки социальной эффективности альтернативных законодательных норм. Он применяет теорию цены, теорию благосостояния и теорию общественного выбора к созданию и применению права».

Особое значение для нас имеют работы российских экономистов-реформаторов — **Егора Тимуровича Гайдара, Владимира Александровича Мау и Абела Гезевича Аганбегяна**. Почему именно к ним? Потому что эти учёные не просто разрабатывали теоретические модели, но и непосредственно участвовали в преобразовании экономической и правовой системы России в переломный период 1990-х — 2000-х годов. Их опыт позволяет увидеть, как методологические принципы экономического анализа права работают (или не работают) в конкретной исторической ситуации, при столкновении с живой, а не книжной реальностью. Как справедливо отмечает В. А. Мау, «успешное развитие общества возможно только тогда, когда экономические реформы сопровождаются адекватными правовыми преобразованиями, и наоборот. Разрыв между экономической и правовой системой ведёт к стагнации и кризисам».

Логика лекции будет следующей.

Во-первых, мы рассмотрим центральную идею экономического анализа права — максимизацию полезности и эффективность распределения ресурсов. Что означает «полезность» в экономической теории? Как она измеряется? Какие критерии эффективности используются для оценки правовых норм? Здесь мы обратимся к понятиям Парето-эффективности и эффективности по Калдору-Хиксу, а также к познеровской концепции максимизации богатства.

Во-вторых, разберём три базовые предпосылки, на которых держится вся конструкция экономического анализа права: **рациональность индивида, реакция на стимулы и методологический индивидуализм**. Без понимания этих предпосылок невозможно понять,

почему экономисты делают те выводы, которые они делают, и почему они часто расходятся с юристами в оценке одних и тех же правовых институтов.

В-третьих, проведём сравнительный анализ двух методологий — дедуктивно-нормативной (юридической) и позитивно-экономической, выявив их сильные и слабые стороны. Мы увидим, что эти две методологии не противостоят, а дополняют друг друга, и что синтез юридического и экономического подходов — это и есть главная цель нашего курса.

На протяжении всей лекции мы будем опираться на примеры из российской практики, показывая, как методологические принципы экономического анализа права работают в условиях переходной экономики. Особое внимание уделим работам **Е. Т. Гайдара**, который в своих исследованиях убедительно показал, что игнорирование базовых экономических закономерностей при принятии политических решений неизбежно ведёт к провалам, и что ключевым условием экономического роста является разделение власти и собственности.

3.1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИДЕЯ: МАКСИМИЗАЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ

3.1.1. Исходная интуиция: экономика как наука о выборе

Для того чтобы понять центральную идею экономического анализа права, необходимо отдать себе отчёт в том, чем вообще занимается экономическая наука. Классическое определение, восходящее к Лайонелу Роббинсу (1932), гласит: **экономика — это наука, изучающая поведение человека с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление.**

Это определение принципиально важно. Оно выводит экономику за пределы сугубо денежных, рыночных отношений. Там, где есть цели (чего я хочу достичь) и ограниченные ресурсы (времени, денег, сил, внимания), там есть поле для экономического анализа. Право, безусловно, является такой сферой. Законодатель имеет цель (например, снизить уровень загрязнения окружающей среды), но ограничен ресурсами (бюджет, административный аппарат, информация). Гражданин имеет цель (например, защитить свои права), но ограничен ресурсами (время на суды, деньги на адвокатов, знание законов).

Абел Гезевич Аганбегян, выдающийся российский экономист, академик РАН, на протяжении десятилетий исследовал проблемы эффективности общественного производства. В своих работах по реформированию экономики России он неоднократно подчеркивал: любая хозяйственная система (и правовая как её часть) должна оцениваться по конечному результату — по тому, насколько эффективно она использует имеющиеся ресурсы для удовлетворения потребностей людей. Этот простой критерий — **эффективность использования ограниченных ресурсов** — становится отправной точкой и для экономического анализа права.

Что же означает «эффективность» в контексте права? Холман определяет экономический анализ права как анализ, «касающийся прогнозирования влияния законодательных норм на стимулы и поведение индивидов и оценки социальной эффективности альтернативных законодательных норм». Иными словами, эффективная правовая норма — это норма, которая создаёт стимулы к такому поведению, которое максимизирует общественное благосостояние при данных ограничениях.

3.1.2. Максимизация полезности: что это означает?

Понятие **полезности** (utility) — одно из центральных в экономической теории. В его развитии можно выделить несколько этапов.

Первый этап — кардиналистский (количественный). Представители австрийской школы (Карл Менгер, Ойген Бём-Баверк) полагали, что полезность можно измерить в абсолютных единицах — ютилях. Индивид способен сказать: «Это яблоко приносит мне 10 единиц полезности, а апельсин — 7». Однако проблема заключалась в том, что полезность субъективна: для одного яблоко полезнее апельсина, для другого — наоборот.

Второй этап — ординалистский (порядковый). Вильфредо Парето и Джон Хикс показали, что для экономической теории достаточно более слабого допущения: индивид способен лишь ранжировать свои предпочтения (яблоко для меня лучше апельсина, а апельсин лучше груши), но не измерять их абсолютную величину. Этого достаточно, чтобы построить теорию потребительского выбора.

Третий этап — выявленные предпочтения. Поль Самуэльсон предложил вообще отказаться от психологических измерений: полезность проявляется в реальном выборе. Что индивид выбирает, то для него и полезно. Мы судим о предпочтениях не по словам, а по действиям.

Для экономического анализа права важен не столько способ измерения, сколько сам принцип: **люди стремятся улучшить своё положение**. Они не выбирают заведомо худшие варианты, если у них есть информация о лучших. При прочих равных, они предпочтут большее меньшему, а меньшее — большим затратам. Это тривиальное, казалось бы, утверждение имеет далеко идущие следствия.

Как отмечает Клаус Матис в фундаментальном исследовании философских оснований экономического анализа права, экономическая парадигма базируется на четырёх элементах: редкость ресурсов, методологический индивидуализм, тезис о собственном интересе (self-interest) и допущение рациональности. Эти элементы в совокупности образуют модель «экономического человека» (homo economicus), которая, как подчёркивает Матис, является «эвристической фикцией» — полезным упрощением, позволяющим строить прогнозы, но не претендующим на полное описание реального человека.

3.1.3. Эффективность распределения ресурсов: критерии Парето и Калдора-Хикса

Если максимизация полезности характеризует поведение отдельного индивида, то категория **эффективности** описывает состояние системы в целом. Здесь ключевым является понятие **эффективности по Парето** (в честь итальянского экономиста Вильфредо Парето).

Парето-эффективность — это такое состояние системы, при котором невозможно улучшить положение хотя бы одного индивида, не ухудшив положения другого. Или, иначе, все возможности взаимовыгодных обменов исчерпаны.

Этот критерий обладает огромной привлекательностью: он не требует межличностных сравнений полезности (не нужно решать, что важнее — счастье миллионера или счастье нищего). Если кто-то выигрывает и никто не проигрывает — это безусловное улучшение, Парето-улучшение. Как отмечает К. Матис, «Парето-эффективность и конкурентное равновесие тесно связаны: любое конкурентное равновесие является Парето-эффективным (первая теорема экономики благосостояния), и любое Парето-эффективное состояние может быть достигнуто как конкурентное равновесие при соответствующем исходном распределении ресурсов (вторая теорема)».

Однако в реальной правовой жизни Парето-улучшения встречаются крайне редко. Почти любое изменение законодательства создаёт выигравших и проигравших. Например, введение налога на роскошь улучшает положение бедных (если средства идут на социальные программы) и ухудшает положение богатых. По критерию Парето оценить такое изменение невозможно.

Поэтому в экономическом анализе права чаще используется более слабый критерий — **эффективность по Калдору-Хиксу** (предложен Николаасом Калдором и Джоном Хиксом в 1939 году). Изменение является эффективным по Калдору-Хиксу, если **выигравшие могут гипотетически компенсировать проигравшим их потери, и при этом сами остаться в выигрыше**. Важно: компенсация должна быть возможна, но не обязательно осуществлена фактически.

Этот критерий широко используется в судебной практике и законотворчестве. Судья, разрешая спор, должен стремиться к такому распределению прав, которое максимизирует обще-

ственное богатство, даже если одна из сторон при этом проигрывает. Законодатель, принимая нормативный акт, должен оценивать его совокупный эффект для общества, а не только для отдельных групп.

Матис подробно анализирует критику критерия Калдора-Хикса, выделяя шесть основных возражений: логическая непоследовательность, проблема измерения, проблема отсутствия компенсации, обвинение в коллективизме, отсутствие гарантии увеличения социальной полезности и проблема консенсуальности. Эти критические замечания важны для понимания границ применимости экономического анализа права. Однако, несмотря на критику, критерий Калдор-Хикса остаётся рабочим инструментом для сравнения альтернативных правовых режимов.

3.1.4. Применение к праву: максимизация богатства у Познера

Как мы уже упоминали в лекции 2, **Ричард Познер** предложил интерпретировать эффективность в правовом контексте как **максимизацию богатства** (wealth maximization). Богатство понимается им не как денежная масса, а как совокупная ценность всех товаров и услуг, оценённая через готовность платить (willingness to pay).

Представьте себе судебный спор между заводом, загрязняющим воздух, и жителями близлежащего района. Если жители готовы заплатить 1 миллион рублей за установку фильтров, а заводу установка фильтров обойдётся в 800 тысяч, то эффективное решение (по Калдору-Хиксу) — обязать завод установить фильтры. Если же жители готовы заплатить только 500 тысяч, а фильтры стоят 800 тысяч, эффективное решение — разрешить заводу продолжать загрязнение (или выплатить жителям 500 тысяч компенсации).

Обратите внимание: критерий Познера не требует, чтобы жители *фактически* заплатили эти деньги. Достаточно, что они *готовы* заплатить, то есть ценят чистый воздух в эту сумму. На практике готовность платить определяется через рыночные механизмы, социологические опросы или экспертные оценки.

Матис подробно анализирует теорию максимизации богатства Познера, выделяя её ключевые компоненты: «богатство, явные и гипотетические рынки, протестантские добродетели и невидимая рука, потребительский и производительский излишек, готовность платить как детерминанта распределения ресурсов, эффективность по Калдору-Хиксу как окончательный критерий». Познер позиционирует максимизацию богатства как альтернативу утилитаризму, которая, по его мнению, преодолевает такие проблемы утилитаризма, как границы моральной ответственности, проблема измерения и проблема «моральной чудовищности» (когда утилитаристский расчёт может оправдать, казалось бы, неоправданные действия).

Владимир Александрович Мау, ректор РАНХиГС, известный экономист и политический деятель, в своих работах неоднократно подчёркивал: ключевая проблема российской экономики — это не столько нехватка ресурсов, сколько неэффективность институтов, включая правовые. Он пишет: «Эффективные институты — это те, которые минимизируют транзакционные издержки и позволяют обществу производить больше благ при тех же ресурсах». Эта установка прямо вытекает из познеровского понимания максимизации богатства и является методологической основой для оценки любых правовых нововведений.

В своей статье, посвящённой конституционным проблемам российской трансформации, В. А. Мау подчёркивает: «Формирование нового конституционного поля является самостоятельным фактором реформирования экономики и стабилизации политических процессов». Он показывает, как нечёткость конституционных норм в 1990-е годы болезненно отражалась на экономической сфере, приводя к конфликтам между ветвями власти и создавая неопределённость для бизнеса.

3.1.5. Критика и ограничения концепции максимизации полезности

Концепция максимизации полезности и эффективности распределения ресурсов не является бесспорной. Как отмечает Холман, одним из главных недостатков экономического

анализа права является «отсутствие критериев социальной эффективности». Действительно, критерий Парето слишком слаб (он не позволяет сравнивать большинство реальных альтернатив), а критерий Калдор-Хикса — слишком силён и нормативно нагружен.

Кроме того, существуют блага, которые принципиально не имеют рыночной оценки — человеческая жизнь, здоровье, достоинство, красота природы. Попытки приписать им денежный эквивалент вызывают этическое отторжение. Познер отвечает на это: мы всё равно неявно оцениваем эти блага, когда принимаем решения о финансировании здравоохранения или безопасности дорожного движения. Лучше делать это явно и рационально, чем скрывать оценки под видом моральных деклараций.

Егор Тимурович Гайдар, будучи не только практиком реформ, но и глубоким теоретиком, в своих работах предупреждал об опасности абсолютизации экономических критериев. Он указывал на то, что рыночная оценка зависит от исходного распределения доходов: готовность платить богатого выше, чем готовность платить бедного, даже если бедный ценит благо сильнее (в субъективном смысле). В своей книге «Гибель империи» Гайдар убедительно показывает, как игнорирование институциональных ограничений и абсолютизация рыночных критериев вели к провалам экономической политики.

Гайдар также подчёркивал, что зависимость от цен на энергоносители создаёт особые риски для экономики, и что диверсификация экономики требует не просто денег, а качественных институтов: «Если вы хотите, чтобы ваши инвесторы вкладывали деньги в высокотехнологичные отрасли, тогда создайте минимально необходимые предпосылки для этого». Среди этих предпосылок он называл: реальные гарантии прав собственности, независимую систему судов, не слишком коррумпированный государственный аппарат, прозрачность процедур принятия государственных решений, свободу слова и реальное разделение властей.

3.2. БАЗОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИНДИВИДА, РЕАКЦИЯ НА СТИМУЛЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

3.2.1. Предпосылка о рациональности (модель *homo economicus*)

Понятие рациональности. В экономической теории рациональность понимается инструментально. Это не означает, что человек всегда прав, всегда знает все факты или всегда поступает морально. Рациональность означает лишь одно: **индивид имеет устойчивые предпочтения и выбирает средства для их достижения, сообразуясь с доступной информацией и существующими ограничениями.**

Как отмечает К. Матис, «экономический человек — это эвристическая фикция», полезное упрощение, которое позволяет строить прогнозы. Экономисты не утверждают, что люди — ходячие калькуляторы, просчитывающие каждое действие. Они утверждают другое: *в среднем, в массе, при прочих равных* поведение людей подчиняется логике рационального выбора. Если цена на товар растёт, спрос на него падает — эту закономерность мы наблюдаем независимо от того, осознают ли покупатели свою «рациональность».

Как подчёркивает Холман, чикагский подход (школа, к которой принадлежат Беккер и Познер) «основан на допущениях о рациональном экономическом поведении и стабильных предпочтениях». Именно эти допущения позволяют строить формальные модели и делать прогнозы.

Рациональность в правовом контексте. Применительно к праву это означает следующее. Субъекты права (граждане, предприниматели, чиновники) воспринимают правовые нормы как условия своей деятельности. Они соотносят выгоды от соблюдения нормы с издержками, выгоды от её нарушения — с риском наказания. На основе этого соотношения они принимают решения.

Модель рационального преступника Беккера (о которой мы говорили в лекции 2) — классический пример применения этой предпосылки. Как отмечает Матис, «модель оптималь-

ного наказания базируется на представлении о рациональном преступнике, который соизмеряет ожидаемую выгоду от преступления с ожидаемыми издержками (вероятность быть пойманным, умноженная на суровость наказания)».

Аганбегян А. Г. в своих работах по управлению социалистической экономикой, а затем по проблемам перехода к рынку, постоянно подчёркивал: невозможно изменить поведение людей, не меняя систему стимулов, в которой они действуют. Призывы и лозунги не работают, если они противоречат рациональному расчёту хозяйствующего субъекта. Это, по сути, и есть применение предпосылки о рациональности к анализу экономического поведения.

Ограничения рациональности. Важно понимать, что экономисты говорят об **ограниченной рациональности** (bounded rationality) — термин, введённый Гербертом Саймоном, лауреатом Нобелевской премии. Люди не обладают полной информацией и не могут обработать всю доступную информацию. Они действуют в условиях неопределённости и часто пользуются эвристиками (приблизительными правилами). Однако даже в этом приблизительном, эвристическом поведении прослеживается логика — стремление достичь цели с минимальными затратами усилий.

3.2.2. Предпосылка о реакции на стимулы

Стимул как изменение относительных цен. Вторая предпосылка логически вытекает из первой. Если люди рациональны, то изменение внешних условий меняет их поведение. Экономисты говорят об **изменении относительных цен**. Любое правовое регулирование можно представить как изменение цен на определённые виды деятельности.

Рассмотрим несколько примеров.

Пример 1: Ужесточение наказания за контрабанду. Относительная цена контрабанды повышается (возрастает риск потерять свободу и товар). Рациональный контрабандист либо уходит в легальный бизнес, либо требует большую компенсацию за риск, что снижает объём контрабанды.

Пример 2: Введение налоговых льгот для малого бизнеса. Относительная цена ведения малого бизнеса снижается (меньше налогов). Рациональные предприниматели активнее регистрируют малые предприятия, инвестируют в них.

Пример 3: Упрощение процедуры регистрации прав собственности. Относительная цена оформления прав снижается (меньше времени и денег на бюрократию). Рациональные граждане активнее регистрируют права, что снижает количество споров и повышает оборачиваемость недвижимости.

Гайдар Е. Т. в своих мемуарах и аналитических работах неоднократно подчёркивал: ключевая ошибка советской системы заключалась в игнорировании реакции людей на стимулы. Плановые органы предписывали, что и сколько производить, но не учитывали, что директора заводов и колхозов реагируют на эти предписания, минимизируя свой риск и максимизируя личные выгоды (часто в ущерб общественным). Переход к рынку был, по сути, переходом от системы административных команд к системе ценовых сигналов, где стимулы работают на эффективность, а не против неё.

В своей знаменитой лекции «Смуты и институты» Гайдар проводит чёткую связь между реакцией на стимулы и качеством институтов: «Динамичный экономический рост диверсифицированных экономик в мире начался где-то на рубеже XVIII—XIX веков... Ему предшествовали тысячелетия экономической стагнации... Это было в те времена, когда власть и собственность были слиты. Условно говоря, ты что-нибудь придумал новое, использовал это нововведение, а у тебя это пришли и отобрали — просто потому, что они сильнее. А если так, зачем что-то придумывать?».

Гайдар подчёркивает, что картина начала меняться только тогда, когда сложилась ситуация, которую Дуглас Норт назвал «связанные руки власти». Когда стало ясно, что если обладатели собственности что-то сделают, то их собственность будет принадлежать им. Когда власть

отвечает за внешнюю безопасность, правопорядок, правосудие, социальную защиту, а собственники — за рост благосостояния и эффективность своих предприятий. «Именно с этого времени и происходит ускорение темпов роста душевого валового внутреннего продукта в десятки раз по сравнению со всем, что происходило на протяжении предшествующих тысячелетий».

В. А. Мау развивает эту мысль применительно к институциональным преобразованиям. Он показывает, что успех или неудача реформ определяются тем, насколько новые правовые институты создают правильные стимулы для экономических агентов. Если закон написан хорошо, но создаёт стимулы для его обхода, он не будет работать. Если закон создаёт стимулы для производительной деятельности, он будет эффективен даже при несовершенной правоприменительной системе.

В дискуссии о факторах экономического роста, развернувшейся в России на рубеже веков, В. А. Мау занял позицию, синтезирующую разные подходы. Он выразил полное согласие с базовыми положениями обеих сторон (сторонников приоритета экономической свободы и сторонников приоритета институтов) при несогласии с выводами и рекомендациями для практики. Он упрекал обоих авторов в некоторой одномерности, обусловленной претензией каждого на «всемирно-историческое открытие».

Основное возражение В. А. Мау в адрес концепции прямой связи между экономической свободой и экономическим ростом состояло в том, что корреляция, наблюдаемая между этими параметрами, статична и совершенно не отражает причинно-следственной связи. «С равным на то основанием можно утверждать, что это экономический рост влечёт за собой расширение экономической свободы. Поэтому более правильно утверждать, что „рост и свобода идут рука об руку, подталкивая друг друга вперёд“».

3.2.3. Предпосылка о методологическом индивидуализме

Суть принципа. Третья предпосылка — **методологический индивидуализм** — означает, что все социальные явления объясняются через поведение индивидов. Коллективы, организации, государства, классы не обладают собственной волей и интересами, отличными от интересов составляющих их людей. Говоря «государство решило», мы должны отдавать себе отчёт, что это метафора: реально решения принимают конкретные чиновники, министры, депутаты, руководствующиеся своими представлениями, интересами и стимулами.

Как отмечает К. Матис, в экономической парадигме «методологический индивидуализм» является одним из фундаментальных элементов. Именно он отличает экономический подход от холизма, который объясняет социальные явления через свойства целого, не сводимые к свойствам частей.

Применение к праву. Для правоведения этот принцип имеет революционное значение. Традиционная юриспруденция часто мыслит категориями «государственной воли», «интересов общества», «целей законодателя». Экономический анализ права требует спуститься на уровень индивидов. Что выигрывает конкретный судья, вынося то или иное решение? Какие стимулы у чиновника, применяющего норму? Почему предприниматель выбирает именно эту форму ухода от налога?

Холман подчёркивает, что австрийская школа критикует чикагский подход «с позиций методологического субъективизма». Для австрийской школы важно не просто допущение рациональности, а понимание того, что знание рассредоточено, субъективно и не может быть собрано в одном центре. Эта критика важна для понимания границ применения формальных моделей в правовом анализе.

Гайдар Е. Т. в работе «Гибель империи» показывает, как игнорирование этого принципа привело к краху советской системы. Руководство страны принимало решения, исходя из абстрактных представлений об «интересах общества», но не учитывало, как на эти реше-

ния отреагируют директора заводов, колхозники, партийные функционеры на местах. Реакция была разрушительной для системы.

Более того, Гайдар последовательно проводит мысль о том, что разрыв между властью и собственностью — это ключевая предпосылка долгосрочного устойчивого экономического роста. В своей книге «Государство и эволюция» и в лекции «Смуты и институты» он убедительно показывает, что институциональная среда, в которой чиновники и предприниматели имеют разные, но взаимосогласованные стимулы, является необходимым условием для инноваций и роста.

Критика и пояснения. Важно не смешивать методологический индивидуализм с этическим индивидуализмом. Экономист не утверждает, что индивиды должны думать только о себе. Он утверждает лишь, что для *объяснения* социальных явлений мы должны исходить из действий конкретных людей, а не из абстрактных сущностей.

Более того, методологический индивидуализм не означает отрицания существования социальных институтов. Напротив, институты понимаются как результат взаимодействия индивидов, преследующих свои интересы, но действующих в определённых институциональных рамках. Как подчёркивает К. Матис, «институты имеют значение» — этот тезис, сформулированный Дугласом Нортом, разделяется и чикагской, и австрийской школами, хотя они по-разному его интерпретируют.

3.3. РАЗЛИЧИЕ МЕТОДОЛОГИЙ: ДЕДУКТИВНО-НОРМАТИВНЫЙ МЕТОД ЮРИСПРУДЕНЦИИ vs ПОЗИТИВНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

3.3.1. Дедуктивно-нормативный метод юриспруденции

Традиционная юридическая методология сложилась ещё в Древнем Риме и получила развитие в средневековых университетах. Её основные черты можно охарактеризовать следующим образом.

1. Нормативность как исходный пункт. Юрист всегда начинает с вопроса: «Что должно быть по закону?». Его интересует не то, как люди *фактически* себя ведут, а то, как они *должны* себя вести в соответствии с нормой. Право для юриста — это система должного (Sollen), а не сущего (Sein).

2. Дедуктивный характер рассуждения. От общего правила (нормы) юрист переходит к частному случаю. Силлогизм: «Все договоры должны исполняться (большая посылка). Данный документ является договором (малая посылка). Следовательно, стороны обязаны его исполнить (вывод)». Логика права — это логика подведения частного случая под общее правило.

3. Опора на авторитет и текст. Юридическое решение обосновывается не соображениями целесообразности, а ссылкой на источник — закон, прецедент, доктрину. Для юриста важно, *что сказано в законе*, а не *почему это сказано* (хотя телеологическое толкование, учитывающее цели закона, также существует).

4. Стремление к справедливости. Конечная цель юриспруденции — достижение справедливости (justitia). Справедливость понимается как воздаяние равным за равное, как соответствие решения моральным и социальным идеалам.

Сильные стороны юридической методологии: обеспечение стабильности, предсказуемости, защита от произвола, связь с моральными ценностями общества.

Слабые стороны: склонность к формализму, игнорирование реальных последствий применения норм, медленная адаптация к меняющимся условиям, закрытость для междисциплинарного знания.

3.3.2. Позитивно-экономический анализ

Экономический анализ права предлагает принципиально иной взгляд. Его методологию можно охарактеризовать следующим образом.

1. Позитивность как исходный пункт. Экономист начинает с вопроса: «Как люди *фактически* реагируют на данную норму?». Его интересует не должное, а сущее. Каковы будут последствия принятия закона? Как изменится поведение субъектов? Позитивный анализ (positive analysis) отвечает на вопрос «что есть» и «что будет», в отличие от нормативного анализа (normative analysis), отвечающего на вопрос «что должно быть».

2. Индуктивно-эмпирический характер. Экономист строит гипотезы о поведении людей и проверяет их на эмпирических данных. Если гипотеза не подтверждается, она отвергается, даже если она красива и логична.

3. Опора на эффективность. Критерием оценки для экономиста выступает не справедливость (в моральном смысле), а эффективность — соотношение выгод и издержек, максимизация общественного богатства.

4. Функциональный подход. Экономиста интересует не столько форма нормы, сколько её функция — то, как она реально работает. Две разные по форме нормы могут выполнять одну функцию; одна и та же по форме норма может в разных условиях давать противоположный результат.

Сильные стороны экономической методологии: ориентация на реальные последствия, способность прогнозировать, инструментарий для сравнения альтернатив, открытость междисциплинарному синтезу.

Слабые стороны: редукционизм (сведение сложного к простому), игнорирование моральных и культурных факторов, опасность «циничного» отношения к праву как к простому инструменту.

3.3.3. Альтернативные школы в экономическом анализе права

Важно понимать, что экономический анализ права не является монолитной теорией. Как отмечает Холман, «чикагская школа была наиболее заметной группой экономистов. Австрийская школа и новая институциональная школа конкурируют с чикагской школой в применении различных методов экономического анализа к праву».

Чикагская школа (Познер, Беккер) основана на допущениях о рациональном экономическом поведении и стабильных предпочтениях. В центре чикагской парадигмы находится «тезис Познера об эффективности, предсказывающий, что правовые нормы развиваются эффективными способами».

Австрийская школа (Хайек, Мизес, Кирцнер) критикует чикагский подход с позиций методологического субъективизма. Для австрийцев важно, что знание рассредоточено, что предпочтения нестабильны и что рыночный процесс — это процесс открытия, а не просто механизм распределения. Австрийцы более скептически относятся к возможности централизованного (в том числе судебного) определения эффективных норм.

Новая институциональная школа (Коуз, Уильямсон, Норт) фокусируется на транзакционных издержках и институтах как механизмах их снижения. Для этой школы ключевой вопрос — как институты (включая правовые) влияют на экономическую эффективность.

Эти различия важны для понимания того, какие выводы можно делать из экономического анализа права. Чикагский подход более оптимистичен в отношении способности судов находить эффективные решения. Австрийский подход более скептичен и подчёркивает роль спонтанных порядков. Новый институционализм занимает промежуточную позицию, подчёркивая важность институционального дизайна.

3.3.4. Сравнительный анализ на примерах

Рассмотрим несколько конкретных ситуаций, чтобы увидеть различие методологий в действии.

Пример 1. Спор о праве собственности на самовольную постройку.

Юридический подход. Самовольная постройка — это объект, созданный без необходимых разрешений или с нарушением градостроительных норм. По общему правилу (ст. 222 ГК РФ),

лицо не приобретает право собственности на такую постройку; она подлежит сносу за его счёт. Юрист будет выяснять: есть ли разрешение на строительство? соблюдены ли нормы? если нет — постройка незаконна, и точка. Вопрос о затратах на снос, о ценности постройки для города, о возможностях её легализации — вторичен.

Экономический подход. Экономист спросит: какова стоимость сноса? какова стоимость постройки? можно ли её легализовать с минимальными затратами? какие стимулы создаёт норма? Если норма требует сноса любой самовольной постройки, это создаёт стимулы для злоупотреблений: соседи могут шантажировать застройщика угрозой жалобы, чиновники — требовать взятки за «незамечание» нарушения. Эффективная норма должна допускать легализацию построек, не нарушающих существенных публичных интересов, при условии уплаты штрафа и компенсации.

Пример 2. Компенсация морального вреда.

Юридический подход. Моральный вред — это физические и нравственные страдания. Юрист будет решать вопрос: подтверждены ли страдания? соразмерна ли компенсация степени страданий? какие нормы ГК РФ применимы? Критерии «соразмерности» и «разумности» остаются оценочными категориями.

Экономический подход. Экономист спросит: какова функция компенсации морального вреда? Это не только восстановление справедливости, но и создание стимулов для потенциальных причинителей вреда. Сумма компенсации должна быть достаточной, чтобы предотвращать правонарушения (функция сдерживания), но не настолько высокой, чтобы парализовать нормальную деятельность.

Пример 3. Реформа жилищно-коммунального хозяйства в России 2000-х годов.

Юридический подход. Принимаются законы, регулирующие отношения собственников и управляющих компаний. Юридический анализ сосредоточен на качестве этих законов: нет ли противоречий? защищены ли права потребителей?

Экономический подход. **Гайдар Е. Т. и Мау В. А.**, анализируя проблемы реформирования ЖКХ, исходили из вопроса: какие стимулы создаёт существующая система для участников? Гайдар подчёркивал, что в нефтяную промышленность деньги вложат и в Нигерии, где совсем нехорошо с правопорядком, потому что это нефть. Но если вы хотите, чтобы инвесторы вкладывали деньги в высокотехнологичные отрасли, «создайте минимально необходимые предпосылки» — гарантии прав собственности, независимую судебную систему, низкий уровень коррупции.

3.3.5. Возможность синтеза: право и экономика как партнёры

Было бы ошибкой абсолютизировать противопоставление юридического и экономического подходов. Современная наука и практика идут по пути их синтеза.

Юристы всё чаще обращаются к экономическим аргументам при обосновании судебных решений и при разработке законопроектов. Институт оценки регулирующего воздействия (ОРВ), внедрённый в России в 2010-е годы, предполагает обязательный анализ экономических последствий принимаемых нормативных актов. Это прямое применение экономической методологии в законотворчестве.

Экономисты, в свою очередь, признают, что их модели работают только при определённых институциональных условиях, которые создаются правом. Без надёжной защиты прав собственности, без эффективной судебной системы, без предсказуемого законодательства никакие рыночные стимулы не приведут к долгосрочному росту.

В. А. Мау в своих работах неоднократно подчёркивал: успешное развитие общества возможно только тогда, когда экономические реформы сопровождаются адекватными правовыми преобразованиями, и наоборот. В этом смысле показательна его критика подходов, которые абсолютизируют какой-то один фактор экономического роста: «Провозглашение либеральной идеи панацеей — обыкновенный популизм, чреватый полной дискредитацией самой идеи».

Аганбегян А. Г., размышляя о перспективах российской экономики, постоянно акцентирует внимание на необходимости институциональных реформ — улучшения делового климата, защиты прав собственности, независимости суда. Без этих правовых изменений, предупреждает он, экономический рост будет неустойчивым и недостаточным для решения социальных проблем.

Гайдар Е. Т. в своих работах последовательно проводил мысль о том, что разделение власти и собственности — это ключевая институциональная предпосылка долгосрочного устойчивого роста. Он подчёркивал: «Нужно добиться, чтобы у вас были реальные гарантии прав собственности, чтобы была реально независимая система судов, которая рассматривается обществом как справедливая. Чтобы у вас был не слишком коррумпированный государственный аппарат».

ЦИТАТЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ

1. О центральной идее экономического анализа права (Р. Холман):

«Economic analysis of law concerns predicting impacts of legislative rules on incentives and behaviour of individuals and judging social efficiency of alternative legislative rules».

2. О рациональности и методологическом индивидуализме (К. Матис):

«В основе экономической парадигмы лежат четыре элемента: редкость ресурсов, методологический индивидуализм, тезис о собственном интересе и допущение рациональности. Экономический человек — это эвристическая фикция».

3. О различии методологий (К. Матис):

Позитивный анализ отвечает на вопрос «что есть», нормативный — на вопрос «что должно быть». Экономический анализ права стремится к позитивному анализу последствий правовых норм, но неизбежно включает нормативные элементы при оценке эффективности.

4. А. Г. Аганбегян о конечной цели экономики:

«Любая хозяйственная система должна оцениваться по конеч результату — по тому, насколько эффективно она использует имеющиеся ресурсы для удовлетворения потребностей людей».

5. Е. Т. Гайдар о разделении власти и собственности:

«Динамичный экономический рост начался тогда, когда сложилась ситуация, которую Норт назвал „связанные руки власти“. Когда стало ясно, что если обладатели собственности что-то сделают, то их собственность будет принадлежать им».

6. Е. Т. Гайдар об институциональных предпосылках:

«Если вы хотите, чтобы ваши инвесторы вкладывали деньги в высокотехнологичные отрасли, тогда создайте минимально необходимые предпосылки для этого. Нужно добиться, чтобы у вас были реальные гарантии прав собственности, независимая система судов, не слишком коррумпированный госаппарат».

7. В. А. Мау о связи экономической свободы и роста:

«Корреляция, наблюдаемая между экономической свободой и экономическим ростом, статична и не отражает причинно-следственной связи. Более правильно утверждать, что „рост и свобода идут рука об руку, подталкивая друг друга вперёд“. Провозглашение либеральной идеи панацеей — обыкновенный популизм».

8. В. А. Мау об институтах:

«Главное условие экономического роста — наличие соответствующих институтов, прежде всего институтов, гарантирующих свободу и собственность. Эти институты радикально снижают трансакционные издержки и создают благоприятный климат для постиндустриального развития».

9. О трёх школах экономического анализа права (Р. Холман):

«Чикагская школа основана на допущениях о рациональном экономическом поведении и стабильных предпочтениях. Австрийская школа критикует чикагский подход с позиций методологического субъективизма. Новая институциональная школа фокусируется на транзакционных издержках».

10. Об эффективности правовых норм (К. Матис):

«Модель оптимального наказания базируется на представлении о рациональном преступнике. Критерий Парето слишком слаб для оценки большинства правовых изменений, поэтому на практике чаще используется критерий Калдора-Хикса».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПОЛОЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ЗАПОМНИТЬ

1. О центральной идее экономического анализа права.

Экономический анализ права исходит из того, что право — это механизм распределения ограниченных ресурсов. **Центральная идея** — стремление к максимизации полезности (на уровне индивида) и эффективности распределения ресурсов (на уровне общества). Эффективность оценивается по критерию Парето (улучшение, не ухудшающее положение других) или, чаще, по критерию Калдора-Хикса (выигравшие могут гипотетически компенсировать проигравших). Применительно к праву это означает, что нормы должны оцениваться по их способности увеличивать общественное богатство (максимизация богатства по Познеру).

2. О трёх школах в экономическом анализе права.

Чикагская школа (Познер, Беккер) основана на допущениях о рациональности и стабильных предпочтениях. Австрийская школа (Хайек) критикует чикагцев с позиций методологического субъективизма, подчёркивая рассредоточенность знания. Новая институциональная школа (Коуз, Норт) фокусируется на транзакционных издержках и институтах как механизмах их снижения. Эти различия важны для понимания границ применимости экономического анализа права.

3. О рациональности индивида.

Первая базовая предпосылка — **рациональность**. Люди имеют устойчивые предпочтения и выбирают средства их достижения с учётом доступной информации и ограничений. В правовом контексте это означает, что субъекты права соотносят выгоды от соблюдения норм с издержками и рисками, и на основе этого соотношения принимают решения. Рациональность понимается инструментально и не требует абсолютного знания или морального совершенства. Экономический человек (*homo economicus*) — это эвристическая фикция, полезное упрощение, а не полное описание реальности.

4. О реакции на стимулы.

Вторая базовая предпосылка — **реакция на стимулы**. Правовые нормы изменяют относительные цены различных видов деятельности, и рациональные индивиды меняют своё поведение в ответ на эти изменения. Ужесточение наказания повышает цену правонарушения, налоговые льготы снижают цену легальной деятельности, упрощение процедур снижает транзакционные издержки. Игнорирование этой реакции — одна из главных причин неэффективности законодательства, что убедительно показал Гайдар на примере советской плановой экономики.

5. О методологическом индивидуализме.

Третья базовая предпосылка — **методологический индивидуализм**. Все социальные явления (включая правовые) объясняются через поведение индивидов. Коллективные сущности (государство, класс, общество) не обладают собственной волей; за ними всегда стоят конкретные люди с их интересами и стимулами. Этот принцип позволяет анализировать поведение законодателей, судей, чиновников, а не только частных лиц. Гайдар показал, как игнорирование этого принципа привело к краху советской системы.

6. О различии юридической и экономической методологий.

Юридический метод — дедуктивно-нормативный: от общего правила (нормы) к частному случаю, опора на текст и авторитет, стремление к справедливости. **Экономический метод** — позитивно-эмпирический: от гипотез о поведении к проверке на данных, опора на эффективность, функциональный подход. Юрист спрашивает «как должно быть?», экономист — «что будет?». Оба подхода имеют сильные и слабые стороны, и синтез между ними — это и есть главная цель нашего курса.

7. О необходимости синтеза.

Противопоставление подходов должно уступить место их **дополнительности**. Право без экономического анализа рискует стать формальным и неэффективным. Экономический анализ без правового контекста рискует игнорировать ценности справедливости и стабильности. Современное законодательство (включая институт ОРВ) и судебная практика всё чаще используют синтез обоих подходов. Как подчёркивает Мау, «рост и свобода идут рука об руку, подталкивая друг друга вперёд», и то же самое можно сказать о праве и экономике.

8. Об уроках российских реформаторов.

Опыт **Гайдара, Мау, Аганбегяна** показывает: эффективные реформы требуют учёта стимулов и рациональной реакции людей. Игнорирование этих факторов, ставка на административные методы и абстрактные представления об «интересах общества» ведут к провалу преобразований. Правовые институты работают только тогда, когда они создают правильные стимулы для экономических агентов. Ключевая институциональная предпосылка роста — разделение власти и собственности, или, как говорил Гайдар, «связанные руки власти».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МЕТОД КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛА

Сегодня мы познакомились с методологическим арсеналом экономического анализа права. Возможно, некоторые из вас почувствовали разочарование: где же конкретные рецепты? где ответы на вопросы «что делать?»

Это закономерное чувство. Методология никогда не даёт готовых ответов. Она даёт инструменты, с помощью которых эти ответы можно найти самостоятельно. Знание базовых предпосылок (рациональность, реакция на стимулы, методологический индивидуализм) позволяет не поддаваться иллюзиям. Понимание различия между нормативным и позитивным анализом позволяет отделять моральные оценки от прогнозов последствий. Владение критериями эффективности позволяет сравнивать альтернативные правовые решения.

Особенно важны для нас уроки российских реформаторов. Гайдар, Мау, Аганбегян на собственном опыте убедились, что правовые реформы без учёта экономических стимулов обречены на провал, а экономические реформы без адекватной правовой базы — на хаос и коррупцию. Их работы — это не просто теоретические построения, а руководство к действию для тех, кто хочет строить эффективную экономику и правовую систему.

Для специалиста по экономической безопасности эти навыки критически важны. Ваша работа будет связана с оценкой рисков, в том числе правовых. Вы должны уметь прогнозировать, как изменение законодательства повлияет на поведение контрагентов, конкурентов, чиновников. Вы должны уметь оценивать, насколько те или иные правовые нормы защищают интересы вашего предприятия (или государства), а насколько — создают дополнительные угрозы. Методология экономического анализа права даёт вам язык и инструментарий для такой оценки.

На следующей лекции мы перейдём от общих методологических принципов к их применению в конкретных сферах — начнём разговор о философских основаниях экономической и личной свободы в трудах Адама Смита, Джона Локка, Жан-Жака Руссо и других мыслителей.

Вопросы для самоконтроля:

— Раскройте содержание категории «эффективность по Парето». Почему в правовой сфере чаще используется критерий Калдора-Хикса?

— Что означает «максимизация богатства» в интерпретации Ричарда Познера? В чём сильные и слабые стороны этого критерия?

— Каковы основные различия между чикагской, австрийской и новой институциональной школами в экономическом анализе права?

— Раскройте содержание трёх базовых предпосылок экономического анализа права. Почему каждая из них критически важна?

— В чём заключается различие между нормативным и позитивным анализом? Приведите примеры из правовой сферы.

— Сравните дедуктивно-нормативный метод юриспруденции и позитивно-экономический анализ. В чём их сильные и слабые стороны?

— Как опыт российских реформ (Гайдар, Мау, Аганбегян) подтверждает значение методологических принципов экономического анализа?

— Почему Гайдар считал разделение власти и собственности ключевой предпосылкой экономического роста?

— В чём, по мнению Гайдара, заключается главная проблема зависимости российской экономики от цен на сырьё? Какие институциональные решения он предлагал?

Задание для самостоятельной работы:

Прочитайте статью В. А. Мау «Конституционные проблемы российской трансформации» (фрагмент приведён в материалах к лекции). Используя предпосылки экономического анализа права (рациональность, реакция на стимулы, методологический индивидуализм), проанализируйте, почему, по мнению Мау, нечёткость конституционных норм в 1990-е годы создавала проблемы для экономического развития. Какие конкретные стимулы для поведения государственных органов и бизнеса создавала эта нечёткость? Подготовьте письменный анализ объёмом 2—3 страницы.

Лекция 4. Философия свободы и равенства: взгляд экономистов и юристов

ВВЕДЕНИЕ: ДВЕ ВЕЛИКИЕ ЦЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы подошли к теме, которая находится в самом сердце не только экономики и права, но и всей западной цивилизации. Свобода и равенство — эти два понятия на протяжении столетий вдохновляли революционеров и консерваторов, либералов и социалистов, экономистов и юристов. И при этом они находятся в сложных, часто конфликтных отношениях друг с другом.

История философской и политической мысли последних трёх столетий — это во многом история поиска ответов на фундаментальные вопросы: Можно ли иметь абсолютную свободу, сохраняя при этом равенство? Можно ли добиться полного равенства, не уничтожив свободу? Что важнее — свобода индивида или благополучие сообщества? Эти вопросы, поставленные ещё античными мыслителями, приобрели особую остроту в XVII—XVIII веках, когда формировался интеллектуальный фундамент современного мира.

Как справедливо отмечает А. А. Аузан в своей работе «Экономика всего», «из всего вышесказанного я бы предложил сделать два вывода, которые мне кажутся существенными для жизни. Во-первых, каждый раз, когда происходит форс-мажор в сфере безопасности... начинаются разговоры: давайте обменяем часть свобод на безопасность. Не меняйте свободу на безопасность — проторгуетесь. Причина проста: когда вы меняете свободу на безопасность, вы снимаете тот уровень притязаний к государству, который заставляет работать наиболее эффективную часть формулы, — вероятность наступления наказания. Вы получите меры наказания, которые будут применяться как устрашение, а не как возмездие за реально совершенное преступление, эффект будет дважды отрицательный: преступники не понесут наказание, а невинные граждане будут жить в атмосфере страха. Как писал Бенджамин Франклин, «те, кто готов пожертвовать неотъемлемой свободой ради временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности».

Сегодня мы обратимся к трём великим мыслителям, чьи идеи определили развитие политической философии, экономики и права на столетия вперёд.

Первый — Адам Смит, шотландский экономист и философ, автор «Богатства народов», который показал, что экономическая свобода — не просто благо для индивида, но условие процветания всей нации. Его метафора «невидимой руки» стала символом веры в саморегулирующийся рынок. Он принадлежит к традиции, которую Дж. Стиглиц называет «отождествлением свободных рынков с экономической свободой», хотя сам Смит был гораздо более nuanced thinker, чем его позднейшие интерпретаторы.

Второй — Джон Локк, английский философ, теоретик естественного права, который обосновал неотчуждаемость прав человека — на жизнь, свободу и собственность. Его идеи легли в основу английской Славной революции 1688 года, американской Декларации независимости и всей либеральной традиции. В отличие от последующих теоретиков, Локк не противопоставлял свободу и безопасность, а, напротив, показывал, что свобода возможна только там, где есть закон и гарантии прав. Как отмечает в своих работах известный экономист А. Сен, «свобода вообще состоит не в праве говорить, но в праве делать. Свобода в политике состоит в праве влиять».

Третий — Жан-Жак Руссо, француско-швейцарский философ, певец равенства и народного суверенитета, чьи идеи вдохновляли якобинцев и социалистов, но при этом, как показала история, могут оборачиваться и тоталитарными режимами. Руссо был первым, кто последовательно обосновал идею о том, что принципу равенства должно быть подчинено всё, в том числе и власть, задача которой — обеспечение равенства. Именно Руссо заложил основы

того, что позднее получило название «позитивной свободы» — права гражданина на определённые действия государства.

Наша задача — не просто изложить их учения, но провести сравнительный анализ, выявить сильные и слабые стороны каждого подхода, и, что самое важное, понять, как эти философские идеи преломляются в современной экономико-правовой реальности. Ведь когда мы сегодня спорим о налогах, о социальном государстве, о пределах вмешательства государства в экономику, мы, сами того не осознавая, воспроизводим аргументы, впервые высказанные Локком, Смитом и Руссо.

4.1. АДАМ СМИТ И ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА КАК УСЛОВИЕ БОГАТСТВА НАРОДОВ

4.1.1. Интеллектуальный контекст: меркантилизм и рождение политической экономии

Для того чтобы понять значение Адама Смита, необходимо представить себе экономическую политику, господствовавшую в Европе до него. Эта политика называлась **меркантилизмом**.

Меркантилизм исходил из представления об экономике как игре с нулевой суммой: выигрыш одной страны означает проигрыш другой. Отсюда — стремление к активному торговому балансу, накоплению драгоценных металлов (золота и серебра), защите внутреннего рынка от иностранной конкуренции с помощью высоких пошлин, субсидированию экспортных отраслей. Государство при этом играло активную роль: раздавало привилегии, создавало монополии, контролировало цены.

Против этой системы и выступил Смит.

9 марта 1776 года, в год, когда американские колонии провозгласили свою независимость от Британской империи, в Лондоне была опубликована книга, которой суждено было произвести не меньшую, а возможно, и большую революцию. Речь идёт об **«Исследовании о природе и причинах богатства народов»** Адама Смита. Эта книга стала манифестом нового экономического мировоззрения — классического либерализма.

4.1.2. Адам Смит: «невидимая рука» и система естественной свободы

Биографическая справка. Адам Смит родился в шотландском городе Керколди в 1723 году. Он получил образование в Глазговском университете, где учился у знаменитого философа-моралиста Фрэнсиса Хатчесона, а затем в Оксфорде. Вернувшись в Шотландию, он читал лекции в Эдинбурге, а затем получил профессорскую кафедру в Глазго, где преподавал нравственную философию. В 1764—1766 годах сопровождал молодого герцога Баклю в путешествии по Европе, где познакомился с Вольтером, Франсуа Кенэ (основателем школы физиократов, которые первыми выдвинули идею естественного порядка в экономике) и другими выдающимися мыслителями эпохи Просвещения. Десять лет работы над «Богатством народов» увенчались публикацией, сделавшей его отцом современной экономической науки.

Центральная идея: система естественной свободы. Смит противопоставил меркантилистской системе государственного регулирования концепцию **«системы естественной свободы»**. Он писал, что человек обычно рассматривается государственными деятелями и «прожекторами» (так Смит называл политиков) «как некий материал для политической механики». Однако «прожекторы нарушают естественный ход человеческих дел. Надо же предоставить природе самой себе и дать ей полную свободу в преследовании её целей и осуществлении её собственных проектов».

Эта идея о том, что экономика обладает внутренним порядком, который не нужно «конструировать» сверху, была революционной для своего времени. Смит утверждал, что если каждому индивиду разрешить свободно преследовать свои экономические интересы, то резуль-

татом будет не хаос, а удивительный порядок — согласование миллионов индивидуальных решений через механизм рынка.

«Невидимая рука рынка». Самая знаменитая метафора Смита — «невидимая рука» — появляется в следующем пассаже:

«Разумеется, обычно он [предприниматель] не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознаёт, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения».

Что означает эта метафора? Смит утверждает, что индивид, преследуя свой частный интерес (стремление к прибыли), объективно способствует общественному благу (производству нужных обществу товаров, эффективному распределению ресурсов), даже если он этого не осознаёт и не желает. Рыночный механизм действует как **невидимая рука**, которая координирует разрозненные действия миллионов людей, каждый из которых думает только о себе, и превращает этот хаос в порядок, обеспечивающий удовлетворение общественных потребностей.

Важно подчеркнуть: Смит не утверждал, что «невидимая рука» работает всегда и везде. Он чётко понимал, что её эффективность требует определённых предпосылок: конкуренции, защиты прав собственности, исполнения контрактов, недопущения монополий.

Три условия процветания. Согласно Смицу, для того чтобы народ достиг всеобщего процветания, необходимы три элемента:

— **Естественная свобода** — свобода предпринимательства, свобода выбора профессии, свобода торговли. Люди должны иметь право заниматься той экономической деятельностью, которую они считают для себя наиболее выгодной.

— **Ограниченное вмешательство государства.** Смит видел, что круг обязанностей государства ограничен: защита нации от внешних врагов, обеспечение правосудия (защита прав собственности и договоров), создание и поддержание общественных институтов и инфраструктуры, которые невыгодны частному капиталу (дороги, мосты, образование). Он предостерегал от бюрократии: «Ни одному другому искусству правительства не учатся друг у друга так быстро, как искусству выкачивать деньги из карманов народа».

— **Справедливые законы.** Рынок может функционировать только в правовых рамках, которые обеспечивают честную конкуренцию и защищают участников от обмана и насилия.

Разделение труда как двигатель прогресса. Смит видел источник богатства наций в **разделении труда**. Знаменитый пример с булавочной мануфактурой: если каждый рабочий выполняет все операции самостоятельно, он произведёт в день от силы несколько булавок. Но если разделить производство на отдельные операции (один тянет проволоку, другой режет, третий затачивает, четвёртый прикрепляет головку и т.д.), то десять рабочих смогут производить до 48 000 булавок в день. Разделение труда повышает производительность благодаря трем факторам: росту ловкости рабочего, экономии времени при переходе от одной операции к другой и возможности механизации.

Из этого Смит делал важный вывод: **разделение труда ограничено размерами рынка**. Чем больше рынок, тем глубже может быть специализация. Поэтому свобода торговли (как внутренней, так и внешней) — необходимое условие экономического развития.

Смит о налогах и роли государства. Вопреки распространённому стереотипу, Смит не был анархо-капиталистом, отрицающим всякую роль государства. В «Богатстве народов»

он сформулировал знаменитые **принципы налогообложения**, которые сохраняют значение и сегодня:

— **Принцип справедливости** (равенства): подданные государства должны участвовать в содержании правительства по возможности соответственно своей способности к платежу.

— **Принцип определённости**: налог, который обязан уплачивать каждый, должен быть точно определён, а не произволен.

— **Принцип удобства**: каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, которые наиболее удобны для плательщика.

— **Принцип экономии**: каждый налог должен быть устроен так, чтобы он извлекал из кармана народа возможно меньше сверх того, что поступает в казну государства.

Смит также признавал необходимость государственного финансирования образования, чтобы противодействовать «отупляющему» воздействию разделения труда на рабочего, который целый день выполняет однообразные операции.

4.1.3. Джон Стюарт Милль: либерализм с человеческим лицом

Биографическая справка. Джон Стюарт Милль (1806—1873) — фигура не менее значимая, чем Смит, но принадлежащая уже другой эпохе — эпохе зрелого индустриального капитализма, когда стали очевидны не только достижения, но и проблемы рыночной системы: эксплуатация детского труда, чудовищная продолжительность рабочего дня, массовая пауперизация рабочих, циклические кризисы.

Милль был, пожалуй, самым блестящим «вундеркиндом» в истории философии. Его отец, Джеймс Милль, друг и последователь Иеремии Бентама (основателя утилитаризма), поставил эксперимент: воспитать гения, который продолжит дело утилитаризма. Джон начал учить греческий язык с трёх лет, к шести годам был автором самостоятельных исторических работ, к десяти прочёл диалоги Платона, к двенадцати приступил к изучению высшей математики, химии, логики и политической экономии.

Однако у этой гениальности была обратная сторона: отсутствие детства, друзей, нормальных человеческих радостей. В подростковом возрасте Милль пережил тяжёлый душевный кризис, едва не приведший к самоубийству. Этот опыт заставил его усомниться в чисто расчётном, «калькулирующем» подходе бентамистов и привёл к более глубокому пониманию человеческой природы, роли чувств, воображения и внутренней культуры. Милль понял, что счастье нельзя свести к сумме удовольствий — оно требует развития всех сторон человеческой личности.

Свобода как защита от «тирании большинства». Главный политико-философский труд Милля — эссе «**О свободе**» (1859). В нём он формулирует проблему, которая не стояла перед Локком и Смитом с такой остротой: угроза свободе исходит не только (и не столько) от государства, сколько от самого общества — от «тирании большинства», от общественного мнения, которое подавляет инакомыслие, навязывает конформизм, требует от всех жить по единому стандарту. В демократическом обществе, писал Милль, опасность заключается в том, что большинство может через институты демократии навязать свою волю меньшинству, подавляя не только политические, но и личные свободы.

Принцип вреда (harm principle). Центральный тезис Милля: «**Единственная цель, оправдывающая применение власти к кому-либо из членов цивилизованного общества против его воли, есть предотвращение вреда другим**».

Этот принцип имеет далеко идущие последствия. Свобода индивида должна быть абсолютной в тех действиях, которые касаются только его самого. Общество и государство не вправе вмешиваться, даже если действия индивида кажутся им глупыми, безнравственными или оскорбительными. Человек имеет право ошибаться, имеет право жить не так, как «принято», имеет право быть «странным» — пока он этим не наносит ущерба другим.

Милль выделяет следующие грани индивидуальной свободы:

- свобода мысли и мнения (включая свободу их выражения);
- свобода выбора и преследования жизненных целей (включая свободу «составлять свой собственный характер»);
- свобода действовать сообща с другими индивидами (свобода ассоциации).

Милль особенно подчёркивал важность **индивидуальности** как самостоятельной ценности. Он писал, что «однообразие обычаев и характеров не есть счастье». Общество, которое подавляет индивидуальность, обедняет себя, лишаясь источников новизны, творчества, духовного развития.

Экономические взгляды: между свободой и справедливостью. В области экономики Милль занимал сложную позицию, которую можно охарактеризовать как **«либерализм с социальной совестью»**. С одной стороны, он оставался на позициях классической политэкономии в духе А. Смита и Д. Рикардо: он признавал эффективность рынка как механизма производства и распределения. С другой стороны, он полагал возможным и необходимым вмешательство государства в **распределение** доходов в целях социальной справедливости.

Ключевая идея Милля состояла в различении «законов производства» и «законов распределения». Законы производства, по Миллю, имеют объективный характер, подобно законам физики. Они задают границы возможного. Законы же распределения зависят от человеческих установлений — это вопрос социального выбора, а не объективной необходимости. Поэтому общество может и должно изменять систему распределения в соответствии с представлениями о справедливости.

Именно из этого различения Милль делал вывод о необходимости социальных реформ, включая ограничение права наследования, прогрессивное налогообложение, поддержку кооперативного движения. Милль симпатизировал социалистическим идеям (он был знаком с учением Сен-Симона, Фурье), но не принимал социалистического отрицания частной собственности и конкуренции. Он считал, что лучший строй — это «частная собственность, но справедливо распределённая».

Утилитаризм: от количества к качеству. Милль был последователем этики утилитаризма, основанной Иеремией Бентамом. Согласно утилитаризму, критерий нравственности — «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Однако Милль внёс важное уточнение: он различал удовольствия по **качеству**, а не только по количеству. «Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньёй; лучше быть недовольным Сократом, чем довольным дураком» — этот афоризм Милля точно выражает его позицию.

Для нашей темы это важно: экономический подход к праву, о котором мы говорили на прошлых лекциях, во многом основан на утилитаристской этике (максимизация полезности). Но Милль напоминает: нельзя сводить всё к простому подсчёту выгод и издержек. Есть высшие, качественные ценности (свобода, достоинство, индивидуальность), которые не укладываются в количественные измерения. Это важное ограничение для «экономического империализма», о котором мы говорили в связи с Беккером.

4.1.4. Смит и Милль: общее и особенное

Что объединяет этих двух мыслителей?

Оба — либералы в широком смысле слова: они защищают свободу индивида, видят в рынке механизм, обеспечивающий координацию миллионов независимых решений. Оба — утилитаристы в широком смысле: они оценивают социальные институты по их последствиям для благосостояния людей.

Но есть и важное различие.

Смит — оптимист Просвещения, верящий в естественную гармонию интересов. Его «невидимая рука» работает автоматически, если не мешать. Государство нужно лишь для защиты от насилия и мошенничества, а также для обеспечения некоторых общественных благ

(инфраструктура, образование, оборона). Смит не видел (или не хотел видеть) глубоких противоречий капиталистического развития — эксплуатации, кризисов, обнищания рабочих масс.

Милль живёт в более сложную эпоху. Он видит, что рынок порождает не только богатство, но и неравенство, эксплуатацию, духовное обеднение. Он видит, что демократия несёт угрозу тирании большинства. Поэтому его либерализм — более осторожный, более рефлексивный, допускающий реформы и корректировку рыночных механизмов во имя справедливости.

Смит акцентирует **экономическую свободу** как условие богатства. Милль — **индивидуальную свободу** как условие развития человеческой личности. Для Смита главный враг — меркантилистское государство, душащее торговлю. Для Милля — общественное мнение, душащее индивидуальность.

Оба, однако, сходятся в главном: свобода есть первичная ценность, без которой невозможно ни достойное существование человека, ни процветание нации.

4.2. ДЖОН ЛОКК: НЕОТЪЕМЛЕМОСТЬ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

4.2.1. Исторический контекст: Англия XVII века

Если Смит и Милль — мыслители индустриальной эпохи, то **Джон Локк (1632—1704)** принадлежит эпохе революционной. XVII век в Англии — время гражданской войны, казни короля Карла I, протектората Кромвеля, реставрации Стюартов и, наконец, Славной революции 1688 года, которая установила конституционную монархию.

Локк был не просто философом, но и политическим деятелем, близким к партии вигов (сторонников парламентской власти и ограничения королевского абсолютизма). После неудачного заговора против короля Карла II он бежал в Голландию и вернулся на родину только после Славной революции вместе с супругой нового короля Вильгельма Оранского. Его главный политический труд — «**Два трактата о правлении**» (1690) — стал теоретическим обоснованием этой революции и философским фундаментом классического либерализма.

4.2.2. Естественное состояние и естественные права

Локк начинает с вопроса: что представляет собой **естественное состояние** — состояние, в котором люди находились до образования государства? В отличие от Томаса Гоббса, который описывал естественное состояние как «войну всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*), Локк рисует иную картину. Гоббс считал, что люди эгоистичны и агрессивны, поэтому естественное состояние — это состояние всеобщей войны, и только страх смерти заставляет их заключать договор о создании государства. Локк же полагал, что люди по природе разумны и способны к сотрудничеству.

Он писал:

«Для правильного понимания политической власти и определения источника её возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это — состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли. Это также состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого».

Итак, естественное состояние у Локка — это состояние **свободы** (но не произвола) и **равенства** (но не имущественного равенства, а равенства прав). В этом состоянии действует **закон природы**, который «требует мира и безопасности для всего человечества». Содержание закона природы, согласно Локку, просто и ясно: **«Поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого».**

Из закона природы вытекают **естественные права** человека:

- право на жизнь (никто не может быть лишён жизни произвольно);
- право на свободу (никто не может быть порабощён или подвергнут произвольному насилию);
- право на собственность (никто не может быть лишён своего имущества без его согласия или без законного основания).

Локк объединяет их в единое понятие **собственности** (property) в широком смысле — как всё то, что принадлежит человеку: его жизнь, его свобода, его имущество. «Каждый человек по закону природы имеет право отстаивать „свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество“».

В естественном состоянии каждый имеет право **защищать** свои права и **наказывать** нарушителей закона природы. Однако, как подчёркивает Локк, этих неорганизованных индивидуальных средств защиты недостаточно для обеспечения спокойной и безопасной жизни. Возникают конфликты; каждый сам себе судья, что ведёт к предвзятости и эскалации насилия. Отсюда — необходимость перехода к государственному состоянию.

4.2.3. Теория трудовой собственности

Особое место в учении Локка занимает обоснование **права частной собственности**. Это один из самых оригинальных и влиятельных разделов его философии. Именно Локк дал классическое обоснование связи частной собственности с трудом, которое затем стало фундаментом всей западной экономической мысли.

Локк ставит проблему: Бог дал мир людям сообща. Как же тогда отдельные вещи становятся частной собственностью отдельных лиц? Почему один человек может сказать о вещи «это моё», и это признаётся законным?

Он отвечает:

«Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счёту принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает это со своим трудом и присоединяет к этому нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает это своей собственностью».

Иными словами: человек **владеет собой** (self-ownership). Он владеет своим телом, своими способностями, своим трудом. Когда он прилагает свой труд к вещи, находящейся в общем пользовании (например, обрабатывает участок земли, собирает яблоки в лесу, строит дом), он как бы **смешивает** с ней то, что принадлежит ему, и тем самым делает вещь своей собственностью. Тот, кто первый своим трудом «пометил» вещь, становится её законным владельцем.

Это гениальное обоснование имеет далеко идущие следствия:

— **Собственность возникает до государства и независимо от него.** Государство не дарует собственность, а лишь защищает то, что уже принадлежит человеку по естественному праву. Это означало, что власть не может произвольно перераспределять имущество — оно «по природе» принадлежит тому, кто его создал своим трудом.

— **Собственность есть продолжение личности.** Посягательство на собственность есть посягательство на личность, на свободу, на жизнь. Поэтому защита собственности — это не защита «вещей», а защита человека.

— **Труд — источник и оправдание собственности.** Это открывало путь к критике феодальных привилегий, основанных не на труде, а на завоевании и наследовании. Локк дал интеллектуальное оружие для борьбы против аристократических привилегий.

Локк, однако, вводит два естественных ограничения права собственности:

— **Условие не-порчи:** человек не должен присваивать больше, чем может использовать без порчи (то есть не давать вещам гнить, не хранить продукты до тех пор, пока они не испортятся, когда другие голодают).

— **Условие достаточности и качества:** человек должен оставить достаточно и хорошее для других. Если он отгораживает участок земли, но оставляет другим столько же хорошей земли, его право на собственность законно.

С появлением денег эти ограничения снимаются, считает Локк. Деньги не портятся, и их можно накапливать без ограничений. Согласие людей придать ценность золоту и серебру «молчаливо и добровольно» сняло «великие и главные» ограничения, которые закон природы налагал на собственность.

4.2.4. Общественный договор и цели государства

Для чего люди объединяются в государство и учреждают политическую власть? Локк даёт чёткий ответ:

«Великой и главной целью объединения людей в государство и передачи себя под власть правительства является обеспечение за каждым человеком его естественных прав на собственность — жизнь, свободу и имущество».

В естественном состоянии эти права, хотя и существуют, недостаточно защищены, поскольку:

- отсутствует установленный, определённый, известный закон, общий для всех;
- отсутствуют беспристрастные судьи, наделённые властью разрешать споры согласно этому закону;
- отсутствует сила, способная привести приговор в исполнение.

Государство создаётся для восполнения этих недостатков.

Важнейший момент: люди передают государству лишь те права, которые необходимы для достижения этой цели. Они **не отказываются** от своих основных естественных прав. Закон природы продолжает действовать и в государственном состоянии, определяя цели и пределы государственной власти. Если правительство нарушает эти пределы, оно перестаёт быть легитимным.

Это принципиальное расхождение с Гоббсом. У Гоббса люди передают суверену все права, кроме права на жизнь; суверен не связан законом и может делать всё, что считает нужным для мира и безопасности. У Локка — лишь ограниченные полномочия, причём суверен (правительство) сам связан законом и не может нарушать естественные права подданных.

4.2.5. Разделение властей и право на сопротивление

Локк разработал теорию **разделения властей**, которая легла в основу конституционализма Нового времени. Он выделяет три ветви власти:

- **законодательная** (парламент) — верховная власть, издающая законы. Она не может быть произвольной и должна действовать через установленные, обнародованные законы;
- **исполнительная** (правительство) — проводящая законы в жизнь, осуществляющая правосудие;
- **федеративная** (ведущая отношениями с другими государствами) — по сути, внешнеполитическая власть.

Локк особенно подчёркивает опасность сосредоточения законодательной и исполнительной власти в одних руках. Если тот, кто издаёт законы, сам же их исполняет, он может сделать закон исключением для себя, истолковывать его в свою пользу, освобождать себя от его действия. Поэтому необходимо разделение властей.

Наконец, самое радикальное положение учения Локка — **право народа на сопротивление**. Если правительство нарушает общественный договор, превышает свои полномочия, покушается на естественные права подданных, народ имеет право на восстание. И не только

право, но в определённых случаях и обязанность: молчаливо терпеть тиранию — значит становиться соучастником преступления.

Этот тезис сделал Локка теоретиком революции, хотя сам он был сторонником умеренной Славной революции 1688 года, а не радикальных потрясений. Важно подчеркнуть: народ выступает здесь как **суверен**, учредитель государства, который сохраняет верховный контроль над тем, как учреждённая им власть выполняет свои обязанности.

4.2.6. Локковское понимание свободы

Локк даёт определение свободы, которое принципиально отличается как от понимания свободы как произвола («делаю что хочу»), так и от гоббсовского понимания свободы как молчания закона (свобода там, где закон молчит). Он пишет:

«Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нём; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределённой, неизвестной самовластной воли другого человека».

И ещё один важный пассаж:

«Несмотря на всевозможные лжетолкования, целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Ведь во всех состояниях живых существ, способных иметь законы, там, где нет законов, там нет и свободы».

Свобода, по Локку, не противоположна закону; свобода возможна **только через закон**. Закон устанавливает рамки, внутри которых индивид может следовать своей воле, будучи защищён от произвола других. Без закона — произвол сильного, состояние войны, рабство. С законом — свобода, безопасность, достоинство.

Это понимание свободы станет фундаментом правового государства и конституционализма. Оно же снимает ложную дихотомию «свобода или порядок». Свобода и порядок не исключают друг друга; порядок (правовой) есть условие свободы.

4.2.7. Значение Локка

Джон Локк по праву считается **отцом классического либерализма**. Его идеи о неотчуждаемых правах человека, о договорной природе государства, о разделении властей, о праве на сопротивление тирании стали общим местом западной политической мысли. Они нашли прямое воплощение в американской Декларации независимости (Томас Джефферсон почти дословно воспроизвёл локковскую триаду «жизнь, свобода и стремление к счастью») и во французской Декларации прав человека и гражданина (1789).

Для экономического анализа права особенно важна локковская теория собственности. Она обосновывает связь между трудом и правом собственности, между личностью и имуществом. Эта связь сохраняет значение и сегодня: когда мы говорим о защите интеллектуальной собственности, о недопустимости экспроприации без компенсации, о праве наследования, мы стоим на плечах Локка.

4.3. ЖАН-ЖАК РУССО: ПРИОРИТЕТ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА НАД ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СВОБОДОЙ

4.3.1. Биографический и идейный контекст

Жан-Жак Руссо (1712—1778) — фигура уникальная в истории философии. Швейцарец по происхождению, выходец из низов (сын часовщика), он прошёл через унижения, скитания, нищету, прежде чем завоевал признание как мыслитель. Он был современником Вольтера и энциклопедистов, но стоял особняком, критикуя Просвещение с позиций, которые сегодня назвали бы «контрмодерном» или даже «романтическим антикапитализмом». Если Вольтер верил в прогресс, науку и разум, то Руссо видел в развитии цивилизации источник порчи нравов, неравенства, отчуждения человека от самого себя.

В отличие от Локка и Смита, которые были оптимистами в отношении прогресса, Руссо утверждал, что наука и искусство не облагораживают, а развращают нравы, что частная собственность — источник всех зол, что «естественный человек» был добродетелен, а «общественный человек» испорчен. Его знаменитый трактат «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) начинается с утверждения: «Большая часть наших зол — наше собственное дело, и мы почти всегда избежали бы их, если бы сохранили простой, единообразный и уединённый образ жизни, предписанный нам природой».

Руссо не отрицает свободу как ценность. Его знаменитая фраза из «Общественного договора» (1762) — *«Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»* — стала лозунгом борцов за свободу на два столетия вперёд. Но его понимание свободы и условий её реализации радикально отличается от локковского.

4.3.2. Критика частной собственности как источника неравенства

Исходный пункт философии Руссо — критика частной собственности. В «Рассуждении о происхождении неравенства» он рисует картину «естественного состояния», которая принципиально отличается как от локковской, так и от гоббсовской. Естественный человек у Руссо — не эгоист и не волк; он одинок, добр, не знает ни собственности, ни зависти, ни войн. Это состояние Руссо называет «золотым веком» человечества.

Переход к цивилизации происходит с появлением частной собственности. Руссо пишет знаменитые строки:

«Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: „Это моё!“ и нашёл людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберёг бы род человеческий тот, кто, вырвав колья или засыпав ров, крикнул бы своим ближним: „Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земли — для всех, а сама земля — ничья!“».

Здесь Руссо переворачивает локковскую логику. Локк видел в частной собственности результат труда и условие свободы. Руссо видит в ней результат узурпации и источник всех социальных бед. Собственность разделяет людей на богатых и бедных, создаёт зависть и вражду, порождает войны, делает человека зависимым от других.

Руссо, однако, не был коммунистом или анархистом. Он не призывал к отмене частной собственности как таковой. Его критика была направлена не против собственности вообще, а против **чрезмерной** собственности, против концентрации богатства в руках немногих при обнищании большинства.

4.3.3. Общественный договор Руссо: отчуждение в пользу целого

Если у Локка общественный договор заключается между индивидами и правительством, причём индивиды сохраняют свои естественные права, которые правительство обязано защищать, то у Руссо договор имеет принципиально иной характер. Он пишет:

«Каждый из нас передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого».

Иными словами, индивид **полностью отчуждает** свои права в пользу сообщества. Не частично, как у Локка, а целиком. Взамен он получает не защиту своих естественных прав (которых он фактически лишился), а членство в политическом теле, часть общей суверенной воли.

Возникающее в результате договора политическое тело Руссо называет **«Республикой»** (или «Государством», когда оно пассивно, и «Сувереном», когда оно активно), а членов этого тела — **«гражданами»**. Суверенитет принадлежит **народу в целом, он неделим и неотчуждаем**. Никакой орган, никакое лицо не могут представлять народ; народ может действовать только непосредственно, собираясь вместе на ассамблеи.

4.3.4. Общая воля (volonté générale) и воля всех (volonté de tous)

Центральное понятие политической философии Руссо — **общая воля** (volonté générale). Он тщательно различает её от «воли всех» (volonté de tous). «Воля всех» — это просто сумма частных интересов, механическое соединение индивидуальных желаний. «Общая воля» — это то, что соответствует общему интересу, благу целого. Она не обязательно совпадает с суммой частных волей.

Как определить общую волю? Руссо даёт сложный ответ. С одной стороны, общая воля — это воля каждого гражданина, когда он думает не о своём частном интересе, а об общем благе. Если граждане, собираясь вместе, голосуют, руководствуясь представлением об общем благе, а не своими частными интересами, то результат голосования и будет выражением общей воли.

Но здесь возникает опасность: что, если мнение большинства ошибочно? Что, если большинство заблуждается относительно того, в чём состоит общее благо? Руссо отвечает: общая воля всегда права, она всегда стремится к общей пользе. Другое дело, что народ может заблуждаться относительно того, в чём эта общая польза состоит.

Важнейший момент: **общая воля не может ошибаться**. Она всегда направлена к благу всех. Законы, принятые в соответствии с общей волей, всегда справедливы. Это утверждение содержит в себе опасный потенциал, который впоследствии использовался для оправдания самых разных форм принуждения «во имя народа».

4.3.5. «Принуждение к свободе»

Из концепции общей воли вытекает знаменитое и самое противоречивое положение Руссо: если кто-то отказывается подчиняться общей воле, он должен быть принуждён к этому всем политическим телом. И далее Руссо добавляет фразу, которая стала предметом бесконечных споров и интерпретаций: **«Это означает лишь то, что его силой принудят быть свободным»**.

Что означает эта парадоксальная формула? Для Руссо свобода — это не автономия индивида, защищённого от вмешательства государства, как у Локка. Свобода — это подчинение закону, который индивид установил для самого себя как гражданин, участвуя в формировании общей воли. Если индивид отказывается подчиняться закону, он тем самым ставит себя вне гражданского состояния, возвращается в естественное состояние (где нет законов), и принуждение его к соблюдению закона есть не ущемление его свободы, а возвращение к свободе, которую даёт только жизнь в гражданском обществе, под властью закона.

Однако здесь таится опасность: если государство (или правящая группа) объявляет себя носителем «общей воли», оно может оправдывать любое насилие над инакомыслящими как «принуждение к свободе». Эта логика, как показала история XX века, может вести к тоталитаризму. Именно поэтому многие либеральные критики видели в Руссо предтечу якобинского террора (1793—1794) и современных тоталитарных режимов.

4.3.6. Проблема равенства

Для Руссо **равенство** — не просто одна из ценностей наряду со свободой, а **условие самой свободы**. В «Общественном договоре» он пишет:

«Что касается равенства, то не следует понимать под этим словом, что степени власти и богатства должны быть совершенно одинаковы; но что же касается власти, то она должна стоять выше всякого насилия и никогда не применяться иначе, как в силу положения и законов; что же касается богатства, то ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один настолько беден, чтобы быть вынужденным себя продавать».

Руссо требует не абсолютного имущественного равенства (как при уравнительном коммунизме), а такого распределения, при котором никто не зависит от другого экономически. Это условие политической свободы: если одни могут покупать голоса других, если бедные вынуждены продавать себя богатым, то формальное равенство прав остаётся пустой фикцией. Демо-

кратия, при которой одни платят, а другие голосуют по их указке, — это не демократия, а олигархия.

В более ранних работах Руссо идёт дальше: он связывает появление частной собственности с возникновением неравенства и всех социальных зол. Хотя в «Общественном договоре» он признаёт собственность как институт (при условии её равномерного распределения), критический пафос его философии направлен против концентрации богатства и социального расслоения.

4.3.7. Руссо и тоталитаризм: проблема интерпретации

Руссо часто обвиняли в том, что его идеи стали идеологическим обоснованием якобинского террора, а в XX веке — тоталитарных режимов. Действительно, логика «общей воли», которая не может ошибаться и к которой нужно принуждать, создаёт опасный прецедент. Если есть одна истина (общее благо) и носитель этой истины (народ, или партия, действующая от имени народа), то все инакомыслящие — враги, которых нужно либо переубедить, либо уничтожить.

Однако сам Руссо был далёк от тоталитаризма в современном смысле. Он мыслил свою модель для небольших республик (вроде Женевы), где граждане могут собираться вместе на ассамблеи и непосредственно участвовать в принятии решений. Он не предусматривал огромных централизованных государств с мощным бюрократическим аппаратом, тем более с партийной диктатурой. И он сохранял верность идее народного суверенитета, что исключает узурпацию власти какой-либо группой.

Тем не менее, потенциал для злоупотреблений в его теории безусловно присутствует. Как только мы допускаем, что существует некая «общая воля», которая выше частных интересов и которую можно познать, мы открываем дорогу тем, кто объявит себя её толкователем и будет подавлять несогласных во имя их же собственного блага.

Как отмечается в современной академической литературе, «конструктивным ответом на несовершенство правового государства в его классическом либеральном варианте, а также на неудавшуюся попытку административного социализма обеспечить каждому материальную свободу и установить в обществе социальную справедливость и равенство явились теория и практика социального правового государства или государства всеобщего благоденствия. Основовоположником теории, которая признаёт роль государства в обеспечении равенства личностей, считается Ж.-Ж. Руссо, утверждавший, что принципу равенства должно быть подчинено всё, в том числе и власть, задача которой — обеспечение равенства».

4.4. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

4.4.1. Исходная точка: природа человека

Критерий	Локк	Смит	Руссо
Природа человека	Человек разумен, способен к автономному существованию	Человек наделён «склонностью к мене, торговле, обмену»	Человек добр, но портится под влиянием цивилизации
Естественное состояние	Свобода и равенство, но с неопределённостью	Не анализируется детально	«Золотой век», утраченный с появлением собственности
Отношение к частной собственности	Естественное право, основанное на труде	Необходимый институт для разделения труда	Источник неравенства и всех зол
Понимание свободы	Независимость от произвольной воли другого	Свобода предпринимательства, свобода торговли	Подчинение общей воле, «быть свободным» через закон
Понимание равенства	Равенство прав	Равенство возможностей (формальное)	Фактическое равенство как условие свободы
Роль государства	Защита прав, разделение властей	«Ночной сторож»	Выражение общей воли, активное формирование гражданина

4.4.2. Значение для современной экономической политики

Либеральная традиция (Локк и Смит) продолжает определять политический и экономический порядок современных западных обществ. Права человека, разделение властей,

независимый суд, защита частной собственности, свобода предпринимательства — всё это прямое наследие Локка и Смита.

В спорах о пределах государственного вмешательства в экономику, о налогах, о социальной политике мы постоянно воспроизводим аргументы двухсотлетней давности. Либертарианцы (сторонники минимального государства) апеллируют к Локку и Смиту. Социал-демократы, защищающие перераспределение и социальные программы, считают необходимым корректировать классический либерализм во имя социальной справедливости, но в целом не выходят за рамки либеральной парадигмы.

Руссоистская традиция оказала колоссальное влияние на революционную традицию — от якобинцев до марксистов и анархистов. Идея народного суверенитета, прямая демократия, приоритет общего блага над частным интересом — всё это руссоистские мотивы.

В XX веке руссоизм повлиял на формирование концепции социального государства. Государство, которое заботится о равенстве, которое перераспределяет доходы, которое активно формирует общество через систему образования и социальной защиты, — в этом есть несомненное влияние Руссо, хотя и смягчённое либеральными ограничениями.

4.4.3. Поиск баланса: синтез как задача

Главный урок, который мы можем извлечь из сегодняшней лекции, заключается в следующем: **свобода и равенство — не абсолютные ценности, которые можно максимизировать одновременно**. Между ними существует неизбежное напряжение. Стремление к полной свободе ведёт к неравенству. Стремление к полному равенству уничтожает свободу.

Задача разумной политики — не выбрать одну ценность и пожертвовать другой, а найти баланс, компромисс, при котором обе ценности будут реализованы в той мере, в какой они совместимы.

Современное социальное государство (welfare state) представляет собой попытку такого синтеза. Оно сохраняет рыночную экономику, частную собственность, свободу предпринимательства (наследие Локка и Смита), но корректирует рыночные результаты через налоги, социальные программы, регулирование (наследие Руссо, хотя и в сильно смягчённой форме).

Как отмечает А. Сен, лауреат Нобелевской премии по экономике, существует три уровня свободы: «свобода как иммунитет», «свобода как автономия» и «свобода как способность (capability)». Последнее понятие особенно важно: нельзя считать человека свободным, если у него нет реальных возможностей (способностей) что-то сделать, даже если формальных ограничений нет. «Если мне не хватает средств, как я могу сказать, что я полностью свободен? Вот почему бедность — это вопрос демократии и свободы». Этот подход, развиваемый Сеном, представляет собой попытку синтеза либеральной традиции (свобода как отсутствие принуждения) и социальной традиции (равенство возможностей).

4.4.4. Выводы

Таким образом, три мыслителя предлагают нам три различные модели соотношения свободы и равенства, индивида и общества:

— **Локк**: индивид первичен, государство — инструмент защиты прав. Свобода — это независимость от произвольной воли других, возможная только при верховенстве закона.

— **Смит**: экономическая свобода ведёт к общественному процветанию, государство — «ночной сторож», но при этом обеспечивающий общественные блага и образование.

— **Руссо**: общество (народ) первично, индивид обретает подлинную свободу только в единстве с целым, но это единство требует равенства как предпосылки свободы.

Ни одна из этих моделей не является абсолютно истинной или абсолютно ложной. Каждая высвечивает определённые аспекты сложной социальной реальности. Задача современной политической и правовой теории — не выбрать между ними, а интегрировать их insights в сложную, многомерную концепцию, учитывающую как ценность индивидуальной автономии, так и необходимость социальной солидарности и справедливости.

ЦИТАТЫ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ

1. Адам Смит о «невидимой руке»:

«Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причём в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения».

2. Адам Смит о роли государства:

«Ни одному другому искусству правительства не учатся друг у друга так быстро, как искусству выкачивать деньги из карманов народа».

3. Джон Стюарт Милль о свободе личности:

«Законов против тирании чиновников недостаточно; нужна защита от тирании господствующих мнений и чувств, от стремления общества навязать свои идеи как правила поведения».

4. Джон Локк о естественном состоянии:

«Естественное состояние — состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы».

5. Джон Локк о собственности и труде:

«Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности... Труд его тела и работа его рук по самому строгому счёту принадлежат ему».

6. Джон Локк о свободе и законе:

«Целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Ведь во всех состояниях живых существ, способных иметь законы, там, где нет законов, там нет и свободы».

7. Жан-Жак Руссо о происхождении частной собственности:

«Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: „Это моё!“ и нашёл людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества».

8. Жан-Жак Руссо об общей воле:

«Каждый из нас передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого».

9. Жан-Жак Руссо о равенстве:

«Ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один настолько беден, чтобы быть вынужденным себя продавать».

10. А. Аузан о свободе и безопасности:

«Не меняйте свободу на безопасность — проторгуетесь... Как писал Бенджамин Франклин, „те, кто готов пожертвовать неотъемлемой свободой ради временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности“».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И ПОЛОЖЕНИЯ

1. О двух великих ценностях. Свобода и равенство — фундаментальные ценности западной цивилизации, находящиеся в сложных, часто конфликтных отношениях. Политическая философия и экономическая мысль Нового времени развивались в поисках баланса между ними.

2. Об Адаме Смите и экономической свободе. Адам Смит обосновал, что экономическая свобода (свобода предпринимательства, свобода торговли, свобода выбора профессии)

есть необходимое условие богатства народов. Его концепция «невидимой руки» показывает, как частный интерес, направляемый рыночным механизмом, служит общественному благу. Роль государства должна быть ограничена защитой нации, правосудием, общественными работами и образованием.

3. О Джоне Стюарте Милле и защите индивидуальности. Джон Стюарт Милль, развивая либеральную традицию, обратил внимание на новую угрозу свободе — тиранию общественного мнения, подавляющего индивидуальность. Его «принцип вреда» устанавливает границы вмешательства общества в жизнь индивида: допустимо лишь предотвращение вреда другим. В экономике Милль допускал реформизм и вмешательство государства в распределение ради справедливости, предвосхищая идеи социального государства.

4. О Джоне Локке и неотчуждаемых правах. Джон Локк заложил основы классического либерализма. Его теория естественных прав (жизнь, свобода, собственность) исходит из того, что эти права принадлежат человеку от рождения и не могут быть отчуждены государством. Государство создаётся общественным договором для защиты этих прав, его власть ограничена законом и разделением властей. Теория трудовой собственности обосновывает связь между трудом, личностью и правом собственности.

5. О Жан-Жаке Руссо и приоритете равенства. Жан-Жак Руссо предложил альтернативную модель: свобода возможна только через равенство. Частная собственность — источник социального неравенства и всех зол. Общественный договор требует полного отчуждения прав в пользу сообщества; возникает общая воля, выражающая общий интерес. Подчинение общей воле есть условие подлинной свободы. Теория Руссо содержит опасный потенциал для оправдания авторитаризма, но также вдохновляла демократические и социальные движения.

6. О сравнительном анализе. Три мыслителя дают три различные модели соотношения свободы и равенства, индивида и общества: **Локк** (индивид первичен, государство — инструмент защиты прав), **Смит** (экономическая свобода ведёт к общественному процветанию, государство — «ночной сторож»), **Руссо** (общество первично, индивид обретает подлинную свободу только в единстве с целым).

7. О значении для современности. Современное социальное государство представляет собой попытку синтеза этих подходов: сохранение рыночной экономики и частной собственности (Локк, Смит) при корректировке рыночных результатов через налоги и социальные программы во имя большей справедливости (Руссо). Напряжение между свободой и равенством не снято окончательно; это вечная проблема политической философии и практической политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ФИЛОСОФИИ К ПРАВУ И ЭКОНОМИКЕ

Сегодня мы совершили путешествие в мир великих философских систем. Может показаться, что Адам Смит, Джон Локк и Жан-Жак Руссо — это «мёртвые белые мужчины», чьи идеи имеют лишь исторический интерес. Это глубочайшее заблуждение.

Когда вы сталкиваетесь с налоговым кодексом, вы имеете дело с проблемой перераспределения, которую Руссо ставил как центральную. Когда вы защищаете права собственности своего предприятия, вы стоите на плечах Локка. Когда вы анализируете эффективность рынка, вы используете инструментарий, восходящий к Смиту. А когда вы сталкиваетесь с давлением общественного мнения, с «культурой отмены», с требованиями конформизма, вы имеете дело с тиранией большинства, о которой предупреждал Милль.

Философия не даёт готовых ответов. Но она даёт язык, на котором эти ответы можно искать, и рамки, в которых эти поиски осмысленны. Понимание альтернативных философских позиций позволяет избежать догматизма, увидеть сложность социальных проблем и выработать взвешенную, рефлексивную позицию.

На следующей лекции мы применим эти философские идеи к анализу государственно-правового регулирования экономики. Мы рассмотрим, как баланс между свободой и равенством реализуется в конкретных механизмах государственной политики, и в чём заключается концепция социального государства как синтеза экономики и права.

Вопросы для самоконтроля:

- Раскройте содержание метафоры «невидимой руки» Адама Смита. Как частный интерес служит общественному благу?
- Каковы, по Смиту, три условия всеобщего процветания?
- В чём Джон Стюарт Милль видит новую угрозу свободе, не известную предшественникам? Что такое «тирания большинства»?
- Сформулируйте «принцип вреда» Милля. Каково его значение для определения границ вмешательства в жизнь индивида?
- Как Локк описывает естественное состояние? Чем оно отличается от гоббсовского?
- Как Локк обосновывает право частной собственности? Что означает принцип self-ownership?
- Каковы, по Локку, цели государства? Почему необходимо разделение властей?
- В чём Руссо видит причину социального неравенства? Почему он критикует частную собственность?
- Что такое «общая воля» (*volonté générale*) и чем она отличается от «воли всех» (*volonté de tous*)?
- Как следует понимать тезис Руссо о «принуждении к свободе»? В чём опасность этой формулы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.